

ΕΚ ΤΩΝ ΑΓΑΘΑΡΧΙΔΟΥ
ΠΕΡΙ ΤΗΣ ΕΡΥΘΡΑΣ ΘΑΛΑΣΣΗΣ
ΕΚΛΟΓΑΙ

АГАФАРХИД КНИДСКИЙ
ОБ ЭРИТРЕЙСКОМ МОРЕ

Вступительная статья, перевод и комментарии М.Д. Бухарина

Агафархид Книдский — географ, философ-перипатетик II в. до н.э., автор ряда сочинений, одно из которых, «Об Эритрейском море», сохранилось в выписках патриарха Фотия I Великого и пересказе ряда античных авторов. Наиболее крупные выдержки принадлежат Диодору Сицилийскому. До наших дней дошли фрагменты первой и пятой книг этого сочинения.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ИЗДАНИЙ

История исследования трактата «Об Эритрейском море» Агафархида Книдского началась в 1557 г., когда эта работа в числе нескольких других была опубликована в первом издании «Библиотеки» патриарха Фотия Анри Этьенном¹. Текст Агафархида воспроизводил рукопись Фотия со всеми особенностями палеографии и был разбит на тематические разделы. Эта книга была переиздана в Женеве в 1594 г. с латинским переводом Лоренцо Родоманна (1546–1606)². В дальнейшем греческий текст источника издавался как в составе «Библиотеки» патриарха Фотия,

Mikhail D. Bukharin,
Institute of World History, Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia
E-mail: michabucha@gmail.com

М.Д. Бухарин,
д.и.н., член-корр. РАН, г.н.с. ИВИ РАН,
Москва, Россия

¹Ex Ctesia, Agatharchide, Memnone excerptae historiae. Appiani Iberica. Item, De gestis Annibalis. Onmia nunc primum edita. Cum Henrici Stephani castigationibus. Ex officina Henrici Stephani Parisiensis typographi, 1557. P. 34–75.

²Ex Memnone excerptae historiae, De tyrannis Heracleae Ponticae. Ex Ctesia & Agatharchide excerptae historiae. Omnia non solum Graecè, sed & Latinè, partim ex Henrici Stephani, partim ex Laur. Rhodomanni interpretatione. Cum accessione ad ea quae prius ex illis historiis excerpta fuerant. Genf, 1594.

в том числе «тематической» разбивкой³, так и в хрестоматиях. Сначала — в редакции Этьенна и в переводе Родоманна — в первом томе четырехтомного собрания *Geographiae veteris scriptores Graeci minores* Дж. Хадсона (Oxoniae, 1698). Том не имеет сквозной пагинации, по этой причине указание на страницы не представляется возможным. Сочинение Агафархида занимает в издании третье место после «Периплов» Ганнона и Скилака.

Через полтора столетия греческий текст Агафархида был издан с новым латинским переводом К. Мюллером в первом томе «Малых греческих географов»⁴. Это издание примечательно по нескольким причинам. Во-первых, Мюллер разделил текст на 111 параграфов (еще четыре были отнесены в разряд «сомнительных»: 112. Diod. I. 41. 4–9; 113. Plut. *Qu. Conv.* VIII. 9. 16; 114. Aelian. *NA.* XVI. 27; 115. Plin. *NH.* VII. 14). Если Дж. Хадсон воспроизвел текст «Об Эритрейском море» только по рукописи патриарха Фотия, то Мюллер добавил к ней еще и выдержки из «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского (III. 12–48), восходящие, по его мнению, к трактату Агафархида. Для этого он разделил страницы данного раздела своей хрестоматии на три части по горизонтали. В верхней помещался текст Фотия, в средней — Диодора, в нижней — комментарии. При этом обозначений а и b для различения параграфов по трудам Фотия и Диодора Сицилийского, как, например, в более поздних изданиях, Мюллер не использует, а обозначает их Phot и Diod. Пользоваться таким изданием довольно тяжело, по этой причине в дальнейшем издатели придерживались других принципов.

Д. Маркотт указывает, что именно Мюллер добавил к параграфам текста Агафархида частицу *ἔτι*⁵, вводящую определенные части текста. Однако это суждение ошибочно. С *ἔτι* начинаются соответствующие параграфы уже в самом первом издании «Библиотеки» Фотия⁶. Тем не менее, авторитет работы Мюллера столь высок, что, например, Маркотт несмотря на наличие более новых изданий⁷ использует в своем анализе творчества Агафархида Книдского именно издание Мюллера.

Следующим изданием труда Агафархида стала публикация Дитера Вёлка, который на основе современных ему достижений науки о древности представил комментированный перевод фрагментов сочинения Агафархида⁸. Однако эту работу нельзя признать шагом вперед по сравнению с изданием К. Мюллера: скорее это шаг в сторону.

Метод перевода Вёлка состоит в контаминации двух версий — Фотия и Диодора — и выработке единого перевода на основе двух источников. Итоговый результат трудно

³ Photii Myriobiblon, sive Bibliotheca librorum quos Photius patriarcha Constantinopolitanus legit & censuit. Graecè edidit David Hoeschelius... [Antverpiæ], 1611. P.1322–1378; Henry R. (éd.). Photius, Bibliothèque. Vol. VII. Codices 246–256. Texte établi et traduit par René Henry. Paris, 1974. P. 134–189.

⁴ Ex Agatharchidis De mari Erythraeo libris excerpta. In: *Geographi Graeci Minores*. E codicibus recognovit, prolegomenis, annotatione, indicibus instruxit, tabulis aeri incisus illustravit Carolus Mullerus. Vol. I. Parisiis, 1855. P. 111–195 (далее — GGM. I).

⁵ Marcotte D. Structure et caractère de l'oeuvre historique d'Agatharchide. *Historia*. 2001. 50/4. P. 387.

⁶ Ex Ctesia, Agatharchide, Memnone excerptae historiae... P. 34–75.

⁷ Henry. Op. cit. P. 135–189.

⁸ Woelk D. Agatharchides von Knidos. Über das Rote Meer. Übersetzung und Kommentar. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Albert-Ludwigs-Universität zu Freiburg i. Br. Bamberg, 1966. Высокий уровень этих комментариев подчеркнул, в частности, Д. Маркотт (Op. cit. P. 420, n. 166).

назвать переводом рассматриваемого источника, так как перевод текста Фотия часто обрывается Вёлком там, где древнегреческий текст еще продолжается, если сведения Фотия и Диодора совпадают. Таким образом, читателю предложен «критический перевод», сочетающий в себе две основы, но скрывающий значительную часть первоисточника. Характерным примером является перевод § 30, в котором от весьма пространный текст Диодора Сицилийского переводчик оставил лишь одно предложение; и, наоборот, при переводе § 33 Вёлк взял всего лишь три слова от текста Фотия⁹. Некоторые фрагменты, например, III. 14. 1–2 = 27b, вообще не включены Вёлком в издание. Большая часть перевода представляет собой «лоскутное одеяло», состоящее из нарезок из текстов Фотия и Диодора Сицилийского. Нельзя не признать, что вопрос о подготовке надежного и удобного в использовании издания труда Агафархида Книдского Д. Вёлк так и не снял.

С другой стороны, с повестки дня был снят вопрос о подготовке надежного издания древнегреческого текста «Библиотеки» патриарха Фотия. Издание Рене Анри, вышедшее в 1974 г., представляет оригинальный текст с критическим аппаратом, обозначающим расхождения в рукописях, а также перевод на французский язык с краткими, но содержательными подстрочными комментариями. Кроме того, в тексте Анри к каждому фрагменту из «Библиотеки» патриарха Фотия дается примечание с указанием наличия параллельного места из «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского, а также на перевод в издании Д. Вёлка¹⁰, что значительно облегчает работу с книгой. По неизвестной причине, однако, в издании Р. Анри отсутствуют ссылки на параллельные места из «Географии» Страбона.

В 1980 г. фрагменты работы Агафархида, непосредственно относящиеся к истории Эритрейского моря, были переведены и опубликованы вместе с переводом «Перипла Эритрейского моря» Джорджем Хантингфордом¹¹. Однако этот перевод включает лишь ограниченный круг фрагментов и лишен подробных комментариев, а издание Вёлка несмотря на значительное количество удачных комментариев по различным частным вопросам имеет слишком очевидные недостатки, так что вопрос о полном переводе труда Агафархида и его комплексном исследовании все еще оставался актуальным. На его решение было ориентировано издание Стенли Берстейна¹².

Публикация С. Берстейна сохранила все достоинства работы К. Мюллера и устранила недостатки его же публикации и издания Д. Вёлка. Текст сочинения Агафархида представлен в переводе по «Библиотеке» Фотия и «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского. Страницы разделены на две части по вертикали: слева следует текст Фотия, справа – Диодора. Если тот или иной фрагмент повторяется в «Географии» Страбона, то он указан в подстрочном примечании. Во введении издатель постарался дать ответ (не всегда правдоподобный, однако) на основные вопросы в связи с жизнью и творчеством Агафархида Книдского. Издание Берстейна является в настоящий момент базовым при обращении к тексту Агафархида. К его достоинствам следует отнести наличие комментариев по самым разным вопросам истории птолемеевского Египта, Центральной Восточной Африки, флоры и фауны региона.

⁹ Woelk. Op. cit. S. 23, 25.

¹⁰ Интересно, что в издании Р. Анри (см. выше, прим. 3) указаны номера не страниц, а разворотов.

¹¹ Huntingford G.W.B. The Periplus of the Erythraean Sea by an Unknown Author. With Some Traces from Agatharchides "On the Erythraean Sea". (Works Issued by the Hakluyt Society. Second Series. 151. Issued for 1976). London, 1980. P. 177–194.

¹² Burstein S.M. Agatharchides of Knides. On the Erythraean Sea. London, 1989.

Однако и от недостатков издание Берстейна несвободно: так, в некоторых случаях отсутствуют ссылки на соответствующие места из «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского (присутствующие, например, в издании Анри) и «Географии» Страбона. Всякий раз приходится определять на основе других публикаций, какой фрагмент источника издатель имел в виду. Переводчик указал на использование материалов Агафархида Плинием Старшим¹³, однако в своем издании перевод соответствующих фрагментов не привел. Еще менее удобно пользоваться последним разделом его издания — собранием фрагментов, расположение которых вызывает сомнение. Берстейн не обозначил их вовсе: не указаны ни автор, ни название сочинения, ни место в тексте. Исключены из его издания и фрагменты, отнесенные Мюллером к разряду «сомнительных» (Diod. I. 41. 4—9; Aelian. NA. XVI. 27; Plin. NH. VII. 14).

СОСТАВ ФРАГМЕНТОВ¹⁴

Сочинение Агафархида Книдского сохранилось в виде выписок, сделанных из первой и пятой книг патриархом Фотием I (820—896). Значительная часть пятой книги была также использована Диодором Сицилийским и Страбоном. Последний использовал труд Агафархида в пересказе Артемидора Эфесского. Кроме того, ряд фрагментов был пересказан и другими авторами — Плинием Старшим, Клавдием Элианом, Юлием Солином. Многие авторы, обращавшиеся к описанию разного рода диковинок, черпали сведения Агафархида из вторых рук, не обращаясь к первоисточнику.

При обращении к сочинению Агафархида Книдского постоянно приходится обращать внимание на фрагментарную сохранность этой работы. Более того, фрагменты сохранены не в оригинале, а в пересказе нескольких авторов, и текст этих пересказов далеко не во всем совпадает. Некоторые сюжеты пересказаны одним автором значительно подробнее, чем другим, последовательность пересказа ряда сюжетов также не всегда совпадает. Это приводит к вполне естественным разногласиям при выстраивании структуры анализируемого сочинения. Проверить точность выводов не представляется возможным, так как отсутствует оригинал работы, однако использование опыта более ранних издателей, выделение возможных ошибок и подкрепление вероятных правдоподобных заключений позволит предложить наиболее логичную структуру сочинения. Рассмотрим ряд фрагментов, место которых в труде Агафархида представляется заслуживающим обсуждения.

§ 1. Книга I начинается следующими словами: «Ὅτι Πτολεμαῖόν φησι τὸν μετὰ τὸν Λάγου πρῶτον ἐλεφάντων θήραν συστήσασθαι, ἀλλὰ γὰρ καὶ τῶν ὁμοιοτρόπων, καὶ τὰ τῇ φύσει κενχωρισμένα τῇ προνοίᾳ συναγαγεῖν ὑπὸ μίαν οἴκησιν»¹⁵. После этого в тексте патриарха Фотия следует такое высказывание: Σκεπτέον δὲ τί φησιν ἐνταῦθα ὁ ἱστορικὸς. Καὶ γὰρ καὶ πρὸ τῶν Πτολεμαίων ἐλέφας πολλοὶ χειροῦθεσι καὶ ἐν πολέμῳ ἐχρῶντο, ὡς Πῶρος τε ὁ Ἰνδὸς ὁ πρὸς Ἀλέξανδρον πολεμήσας καὶ ἄλλοι οὐκ ὀλίγοι· ἢ ὅτι Πτολεμαῖος οὗτος πολὺς πρῶτος περὶ αὐτήν ὥφθη τὴν σπουδὴν, ἢ πρῶτος τῶν μετὰ Ἀλέξανδρον, ἢ τῶν Αἰγύπτου βασιλέων πρῶτος¹⁶. К. Мюллер счел его принадлежащим самому

¹³ Burstein. Op. cit. P. 98, n. 1.

¹⁴ Здесь и далее, если не указано иное, нумерация фрагментов приводится по настоящему изданию.

¹⁵ «[Агафархид] говорит, что Птолемей, бывший после Лага, первым организовал охоту на слонов; подобных им по образу жизни и отличающихся по природе он предусмотрительно свел в одно место обитания».

¹⁶ «Сведущий в истории едва ли согласится с этим. Ведь и до Птолемея многие использовали прирученных слонов на войне, как, например, индеец Пор, воевавший против

Агафархиду (*GGM*. I, 111). Однако в издании С. Берстейна оно опущено, и, как представляется, справедливо. Этот фрагмент выглядит скорее как комментарий самого патриарха Фотия, не согласившегося с мнением Агафархида, во всяком случае два противоположных мнения по одному вопросу едва ли могли быть высказаны одним автором.

§ 2. Берстейн записал в число фрагментов сочинения Агафархида (§ 2 книги I) следующую выдержку из «Географии» Страбона: “He (sc. Artemidorus) says that some men say that the sea derived its name ‘Erythra’ from the colour it manifests as a result of reflection either from the sun when it is at its zenith or from the mountains which have taken on a red hue from the searing heat”¹⁷. Этот фрагмент был включен в состав сочинения Агафархида еще К. Мюллером (*GGM*. I, 111). Речь идет о начале параграфа: Ἐρυθρὰν γὰρ λέγειν τινὰς τὴν θάλατταν ἀπὸ τῆς χροῖαδς τῆς ἐμφαινομένης κατ’ ἀνάκλασιν, εἴτε ἀπὸ τοῦ ἡλίου κατὰ κορυφὴν ὄντος εἴτε ἀπὸ τῶν ὄρων ἐρυθραίνοντων ἐκ τῆς ἀποκαύσεως· ἀμφοτέρως γὰρ εἰκάζειν (Strab. XVI. 4. 20)¹⁸.

Сведения по этно- и географии бассейна Эритрейского моря (XVI. 4. 5–20) основаны на данных Артемидора, о чем трижды прямо говорит сам Страбон (XVI. 4. 5, 15–16; в § 18–19 имя Артемидора не названо, однако нет сомнений, что ссылки даны именно на него). По мнению Берстейна, Артемидор заимствовал эти сведения из сочинения Агафархида, внеся в них определенные изменения¹⁹. Однако именно этот фрагмент «Географии» Страбона не может восходить к сочинению Агафархида, так как, во-первых, он воспроизводит точку зрения, которую сам Агафархид оспаривал, а во-вторых, эта самая точка зрения Агафархида воспроизведена Страбоном далее в этом же параграфе и классифицирована Берстейном как фрагмент 5с. К «некоторым» же, упомянутым Артемидором в данном фрагменте, Агафархид определенно не относится, и фрагмент этот восходит к тем источникам, авторам которых возражал Агафархид. В противном случае в тексте Страбона получается путаница: сначала излагается мнение Артемидора, заимствованное у Эратосфена (XVI. 4. 19), затем снова Артемидора, Ктесия Книдского, и только потом Агафархида Книдского, ссылающегося на Бокса (XVI. 4. 20). Берстейна явно дезориентировала следующая ссылка на «других историков» в тексте Страбона: τῶ Ἐρατοσθένει λέγει, τὰ δὲ παρὰ τῶν ἄλλων ἱστορικῶν παρατίθησιν (XVI. 4. 19). Он счел, что именно она и отсылает к мнению Ктесия и Агафархида, что определенно не так. Между этой ремаркой и мнением Ктесия еще следует ссылка на не названных по имени авторов, цитированная выше: Ἐρυθρὰν γὰρ λέγειν τινὰς τὴν θάλατταν... И только после этих τινες следует переход к мнениям Ктесия и Агафархида.

§ 4. Берстейн включает в данном контексте в число фрагментов «Об Эритрейском море» в качестве 4b (книга I) следующее высказывание: “Some people maintain that Erythras was the son of Perseus and ruled these areas”²⁰. Оно восходит к «Географии»

Александра, да и многие другие: или же Птолемей был первым, кто первым приложил столь много усердия в этом, или первым после Александра, или первым из царей Египта.

¹⁷ Burstein. Op. cit. P. 42, n. 2b.

¹⁸ «Так, например, он (Артемидор. – М.Б.) говорит, что некоторые называют это море Эритрейским по цвету воды, происходящему от преломления солнца или от гор, окрашенных в красный цвет палящим жаром, потому что, продолжает он, предполагают, что это происходит от обеих причин» (здесь и далее пер. Г.А. Стратановского; древнегреческий текст цит. по: *Johes H.L.* (ed.). *The Geography of Strabo*. Vol. VII. London–New York, 1930 (Loeb Classical Library, 327). P. 348, 350).

¹⁹ Burstein. Op. cit. P. 38–39.

²⁰ Burstein. Op. cit. P. 43.

Страбона: τοὺς δὲ Περσέως υἱὸν ἀποφαίνεσθαι τὸν Ἑρύθραν, ἡγήσασθαι τε τῶν τόπων.— «Эритра, который царствовал над этими местами, объявляют сына Персея» (XVI. 4. 20). Трудно, однако, понять, почему этот фрагмент «Географии» должен восходить именно к сочинению Агафархида, тем более что это сообщение со ссылкой на «других» помещено Страбоном сразу после пересказа мнения Агафархида (Ἀγαθαρχίδην δὲ τὸν ἐκείνου πολίτην...), т.е. ему противопоставлено.

§ 5. Реконструируя § 5 книги I, Берстейн начинает его со следующей фразы: “Ctesias, the Cnidian, however, reports, that its origin is red and rust coloured water that empties into the sea, but Agatharchides”²¹. Этот фрагмент восходит к «Географии» Страбона: Κτησίαν δὲ τὸν Κνίδιον πηγὴν ἰστορεῖν ἐκδιδοῦσαν εἰς τὴν θάλατταν ἐρευνθεῖς καὶ μιλῶδες ὕδωρ (XVI. 4. 20); непосредственно за этой фразой следует ссылка на Агафархида, однако, по логике Берстейна, и данная фраза должна восходить к его сочинению. Это мнение представляется ошибочным: указанное высказывание явно принадлежит самому Страбону, который выписал сначала мнение Артемидора (Эратосфена), ссылка на которого идет еще ранее, затем Ктесия, а затем уже Агафархида, суждение которого в данном случае противопоставлено данным Ктесия. Данную фразу следует удалить из корпуса фрагментов сочинения Агафархида Книдского.

§ 34–36. Ряд сюжетов из жизни ихтиофагов в описании Агафархида Книдского разбросан по разным параграфам Диодора Сицилийского и Страбона, они перемешаны так, что последовательность описания, выдержанная в «Библиотеке» патриарха Фотия, в параллельных текстах не соблюдена. По этой причине в изданиях Вёлка и Берстейна наблюдается определенная путаница в разбивке § 34–36. Эта путаница привела к полному исчезновению § 36 из числа фрагментов сочинения Агафархида в ряде изданий.

Итак, Вёлк соединил § 35–36 вместе, объединив текст Фотия с § III. 16. 5 и III. 16. 6–17. 1 «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского²², ссылаясь при этом на издание Мюллера: “§ 36 ist in § 35 eingearbeitet, cf. Müller, S. 133b Diodor”²³. Это соединение и аргументацию принял и Анри²⁴. § 36 опущен и в издании Берстейна, причем без каких-либо комментариев. Он лишь обозначил этот раздел своего перевода как 35a–36, указав еще на § 35с²⁵. Справедливости ради следует отметить, что Мюллер сохранил § 36 в тексте Фотия; в тексте Диодора он, действительно, опущен, и ремарка Вёлка по этой причине не вполне корректна. Действительно, было бы странно, если бы в едином тексте после § 35 сразу следовал § 37. Тем не менее, именно так и обстоит дело в издании Вёлка и фактически в издании С. Берстейна.

Кроме того, Берстейн не обратил внимания, что в его версии § 35с фраза “they chop up the backbones they had piled up, from them into cakes and use them” повторяет содержание § 34, во всяком случае в той его части, где говорится о выпечке продолговатых «кирпичиков» (пирожков). Данные фрагменты трудно разделить: их содержание оказалось перемешанным, по этой причине правильно было бы обозначить § 35с как 34с–35с.

Фрагмент «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского (III. 17. 1 = 35b), в котором говорится о постоянном наличии пропитания и его легкодоступности у ихтиофагов, определенно повторяет более ранний фрагмент (III. 16. 3 = 34b),

²¹ *Burstein*. Op. cit. P. 43, n. °.

²² *Woelk*. Op. cit. S. 27.

²³ *Woelk*. Op. cit. S. 27, Anm. 2.

²⁴ *Henry*. Op. cit. P. 158, n. 3.

²⁵ *Burstein*. Op. cit. P. 74.

завершающийся этим же рассуждением. Соответственно, фрагмент 35b в этих двух аспектах продолжает темы предыдущего параграфа и должен быть обозначен как 34b-35b. Гораздо логичнее сохранить § 36 среди фрагментов сочинения Агафархида Книдского, вычленив в предыдущем параграфе 35b (Diod. III. 16. 4–6) соответствующий фрагмент в параллельном тексте Диодора Сицилийского (III. 16. 7).

§ 39. Тексты Фотия и Диодора Сицилийского в описании возвращения ихтиофагов с водопоя и возобновления привычного образа жизни, а также его характеристика в значительной степени совпадают. В обоих источниках отсутствует завершающее предложение фрагмента Страбона, в котором описывается жизнь ихтиофагов: οἰκοῦσι δ' ἐν σπηλαίοις ἢ μάνδραις στεγασταῖς ἀπὸ δοκῶν μὲν καὶ στρωτήρων τῶν κητείων ὀστέων καὶ ἀκανθῶν, φυλλάδος δ' ἐλαῖνης (Strab. XVI. 4. 13). Тем не менее представляется, что и оно восходит к сочинению Агафархида Книдского. Весь фрагмент этого параграфа «Географии» Страбона от συνάγουσι δὲ ταῖς ἀμπλώτεσιν οἱ ἰχθυοφάγοι τοὺς ἰχθῦς до самого конца представляет собой законченный рассказ, характеризующийся содержательным и стилистическим единством. Поэтому представляется логичным включить в число фрагментов сочинения Агафархида и указанную выше фразу, в которой описываются места обитания ихтиофагов.

§ 49a Müller. Мюллер ввел в текст сочинения Агафархида § 49a (Diod. III. 22. 1–4): «Побережье же вдоль Вавилонии граничит с цивилизованной и хорошо ухоженной страной; и такое там множество рыбы для местных жителей, что рыбакам нелегко справиться с ее изобилием. Вдоль берегов они расставляют плотную [стену] из тростника и сплетают [стебли] между собой, так что кажется, что вдоль моря поставлена сеть. По всему этому устройству имеются крепкие дверцы, плетением напоминающие корзины и имеющие петли, легко поддающиеся движению [воды] в обоих направлениях. Во время прилива их открывает прибой, идущий в сторону земли, спеша обратно во время прилива, он закрывает дверцы. По этой причине каждый день случается, что во время прилива рыба, влекомая из глубины моря, попадает внутрь через дверцы, когда же море отступает, не могут проплыть вместе с водой через переплетенный тростник²⁶. По этой причине иногда вдоль океана приходится видеть кучи барахтающейся рыбы, которую постоянно собирают назначенную на эту работу — у них и пропитание в изобилии, и большие доходы. Некоторые же из обитающих в этих местах, так как страна ровная и низинная, прокапывают от моря широкие рвы на много стадиев до своих владений и ставят у границ плетеные ворота; во время прилива открывают их, когда же вода идет в обратном направлении — закрывают. Когда же море отступит в промежутки в воротах, рыба удерживается во рвах, распоряжаются и берут столько, сколько сами захотят и в то время, в какое пожелают».

При этом Мюллер высказал определенные сомнения в авторстве Агафархида и указал на возможность рассматривать его как примечание самого Диодора²⁷. Сомнения Мюллера выглядят тем более обоснованными, что скачок от описания восточноафриканских хеленофагов и итога сказанного об ихтиофагах, причем не только эфиопских²⁸ (т.е. тема ихтиофагов была исчерпана), в завершении § 48 к ихтиофагам

²⁶ Функционирование этого механизма связано с тем, что удар прибоя значительно сильнее тихого отлива. Соответственно, напор волны с легкостью открывает дверцу, тогда как сравнимой силы, действовавшей бы в обратном направлении, нет, и калитка остается закрытой.

²⁷ GGM. I, 140–141. Анри не включает в этот фрагмент первое предложение из III. 23. 1.

²⁸ Уже в XVIII в. отмечалось, что указание на «эфиопских ихтиофагов» в Diod. III. 21. 6 (τῶν μὲν οὖν ἰχθυοφάγων τὰ γένη τοσαῦτ' ἐστὶ) вместо «ихтиофагов» является редакторской вставкой (Histoire universelle de Diodore de Sicile. T. 1. Trad. en français par M. l'abbé

вавилонским с последующим возвратом к Мероэ выглядит нелогичным, т.е. следовать после § 48, как в издании Мюллера, этот раздел определенно не мог.

Этот параграф, обозначенный как 49D, т.е. приведенный по «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского, а не по выпискам Фотия (Ph), в издании Вёлка следует после § 46 и перед § 47, так как Вёлк полагал, что Диодор выбрал для него неправильное место; при этом после § 48 в его издании следует еще § 49Ph²⁹, что дает возможность сохранить совпадение нумерации фрагментов с изданием Мюллера. В издании Анри этот параграф отсутствует вовсе³⁰, так как этот фрагмент целиком взят из «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского, тогда как в его издание входят только выписки из «Библиотеки» патриарха Фотия.

Фрагмент 49a (Müller) присутствует в издании Берстейна в качестве самостоятельного § 50, который следует после § 49, а не после § 46, как в издании Вёлка. Более того, Берстейн добавил к нему первое предложение из следующего параграфа «Исторической библиотеки»: Διεληλυθότες δὲ περὶ τῶν παροικοῦντων τὴν ἀπὸ τῆς Βαβυλωνίας παράλιον ἕως Ἀραβίου κόλπου, περὶ τῶν ἐξῆς τοῦτοις ἔθνων διέξιμεν (Diod. III. 23. 1)³¹. Он полагал аргументацию Вёлка неубедительной, сам же считал, что этот параграф является завершающей частью описания ихтиофагов и заполняет пробел между ихтиофагами африканскими и гедросийскими, описанными Нерархом³². Соответственно дальнейшая нумерация параграфов в издании Берстейна опережает членение текста в изданиях Вёлка и Анри³³ на один шаг.

Рассмотрим аргументацию Вёлка, опровержению которой Берстейн уделил одну строку. По мнению Вёлка, этот фрагмент действительно кажется не подходящим структуре сочинения Агафархида. Как он полагает, отсутствие параллельного текста «Библиотеки» Фотия не говорит против его отнесения к руке Агафархида, так как такие случаи известны и помимо того. Вёлк полагает, что Диодор использовал одного и того же автора для описания примитивных народов, населявших берега Красного и Аравийского морей, а также Персидского залива, и обращение к данным другого автора было бы в данном контексте в высшей степени нелогичным. Вёлк считает, что описание хеленофагов и вавилонских ихтиофагов, «живущих недалеко», призвано представить параллельную иллюстрацию сходных жизненных условий народов, обитавших вне пределов современного Красного моря, а сам скачок из Восточной Африки в Вавилонию призван закрыть тему ихтиофагов. Приводя также ссылку на § 31b, в котором Агафархид, по его мнению, говорит о распространении ихтиофагов до Индии, Гедросии и Кармании, Вёлк находит вполне естественным размещение фрагмента 49a (Müller) между параграфами 46 и 47.

Эта атрибуция выглядит вполне естественной, так как в тексте «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского рассматриваемый фрагмент находится между теми, которые действительно относятся к работе Агафархида. С другой стороны,

Terrasson. Paris, 1737. P. 371, n. 1). Она отсутствует в цитируемом издании Ч. Олдфазера (*Diodorus of Sicily*. In twelve volumes. Vol. II. Books II, 35 – IV, 58. Ed. by Ch.H. Oldfather, Ch.L. Sherman. Cambridge (Mass.)–London, 1967).

²⁹ Woelk. Op. cit. S. 34–35, 37, 138–140 (обоснование).

³⁰ Henry. Op. cit. P. 164.

³¹ «Описав же населяющих побережье от Вавилонии до Аравийского залива, обратимся к народам, следующим за ними».

³² Burstein. Op. cit. P. 88–89.

³³ Не следует забывать, что Р. Анри издавал сочинения не Агафархида, а Фотия, поэтому включение в текст «Библиотеки» Фотия фрагментов «Исторической библиотеки» Диодора не являлось предметом его заботы.

нельзя не признать, что в аргументации Вёлка имеются и слабые места. Можно отметить, что хеленофаги не занимали территорию вне пределов современного Красного моря, а обитали внутри его границ на широте архипелага Фарасан (об этом см. ниже, раздел «Источники сочинения Агафархида»). Кроме того, «жизненные условия», о которых пишет Вёлк, у восточноафриканских хеленофагов и вавилонских ихтиофагов отличались разительно. Хеленофаги умели только буксировать спящих черепах к берегу, тогда как вавилонские рыбоеды пользовались довольно сложными устройствами из тростника для ловли рыбы, прокапывали широкие рвы до своих владений, т.е. жили не первобытным стадом, а каждый сам по себе, что говорит о значительной разнице в общественном устройстве.

Никак нельзя признать справедливой ремарку о том, что хеленофаги и вавилонские ихтиофаги жили недалеко друг от друга. Текст фрагментов работы Агафархида никак не подразумевает этого, а с точки зрения современной географии области их обитания разделяет несколько тысяч километров. Не следует упускать из вида, что Агафархид ограничил свое описание красноморского региона территорией «сабеев», т.е. крайним юго-западом современного Аравийского полуострова. Во всяком случае скачки из Восточной Африки в Вавилонию и обратно выглядели бы крайне странными.

Ссылка на § 31b (Diod. III. 15. 1), приведенная Вёлком, также не вполне уместна. Диодор (а не Агафархид, как указывает Вёлк) пишет: *περὶ πρώτων δὲ τῶν Ἰχθυοφάγων ἐροῦμεν τῶν κατοικοῦντων τὴν παράλιον τὴν ἀπὸ Καρμανίας καὶ Γεδρωσίας ἕως τῶν ἐσχάτων τοῦ μυχοῦ τοῦ κατὰ τὸν Ἀράβιον κόλπον ἰδρυμένον τὸν Ἀράβιον κόλπον ἰδρυμένου, ὃς εἰς τὴν μεσόγειον ἀνήκων ἄλιστον διάστημα δυσὶν ἡπείροις περικλείεται πρὸς τὸν ἑκπλουν, τῇ μὲν ὑπὸ τῆς εὐδαίμονος Ἀραβίας, τῇ δ' ὑπὸ τῆς Τρωγλοδυτικῆς*³⁴. Очевидно, что первая фраза данного фрагмента никак не может относиться к сочинению Агафархида, который не начинал и не мог начать описание красноморских ихтиофагов с обитателей Кармании. Если сравнить этот текст с параллельным фрагментом, сохраненным патриархом Фотием, то станет очевидно, что Диодор его значительно изменил. В изложении Фотия описание строится с северо-запада (аутеев) на восток до Индии, а потом снова на запад, в изложении Диодора — сразу с востока на запад. Скорее всего, ссылки на восточные регионы восходят к периплу Неарха, возвращавшегося с флотом Александра именно с востока в направлении Вавилонии. Автор этого фрагмента намерен вести свое описание в направлении диаметрально противоположном тому, которое избрал Агафархид. А последний в изложении Фотия вовсе не собирался описывать ихтиофагов Кармании и Гедросии. Он лишь указал на ареал их распространения, намерение описать их выразил сам Диодор.

Как кажется, подозрения Мюллера, что § 49а представлял собой ремарку самого Диодора³⁵, весьма правдоподобны, а включение фрагмента 31b в структуру сочине-

³⁴ «Сначала мы будем говорить об ихтиофагах, населяющих береговую линию от Кармании и Гедросии до наиболее удаленных областей впадины, идущей вдоль Аравийского залива, который, уходя в глубь материка на невероятное расстояние, ограничен у своего устья двумя берегами: с одной стороны, Счастливой Аравией, с другой, — Троглодитской областью».

³⁵ Подобный вопрос постоянно встает при работе с пересказом несохранившихся сочинений. Так, едва ли можно с уверенностью сказать, кому принадлежит фраза, завершающая описание пустынного региона, покинутого людьми из-за множества пауков: *Ταῦτα μὲν οὖν ἡμῖν εἰρήσθω πρὸς τοὺς ἀπίστως διὰ τὸ παράδοξον πρὸς τὰς ἱστορίας διακειμένους· πάλιν δ' ἐπὶ τὰ συνεχῇ τοῖς προειρημένοις μεταβησόμεθα*. — «Да будет это сказано нами настроенным недоверчиво к историям из-за непонятного. Вернемся же снова к тому, о чем мы говорили до

ния Агафархида в значительной мере условно: в нем не только перемешаны данные двух источниковых традиций, но Диодор, пересказавший его, весьма значительно его изменил, придав ходу описания диаметрально противоположное направление. И заключительная ремарка в тексте Диодора (III. 23. 1) должна рассматриваться как его собственное замечание, облегчающее переход к другой теме.

С другой стороны, отделить друг от друга мысли Агафархида и Диодора (как обычно пытается сделать Вёлк) не представляется возможным без потери смысловой ясности. Таким образом, Вёлк едва ли прав, считая, что Диодор пользовался сведениями одного автора в том, что касалось ихтиофагов. Скорее можно предположить, что Мюллер ошибочно отнес этот фрагмент к сочинению Агафархида (не будем забывать об определенных сомнениях, одолевавших немецкого ученого), а его авторитет (вполне, впрочем, заслуженный) продолжает непререкаемо довлеть над исследователями творчества Агафархида. Вполне возможно, Вёлк прав в том, что Диодор выбрал для этого фрагмента неподходящее место: в тексте Диодора отсутствует описание побережья от Вавилонии до Аравийского залива (совр. Красное море), о котором он говорит. Скорее всего, в последовательности текста самого Диодора имеется определенный сбой, а § 49a (Müller) едва ли может восходить к сочинению Агафархида. Во всяком случае, учитывая фрагментарную сохранность анализируемого текста, не следует придерживаться слишком определенных формулировок там, где сомнения в их правдоподобии обоснованны³⁶.

§ 55. В § 55a–b (56a–b Burstein) Агафархид рассказывает об одном из видов охоты на слонов: не будучи в состоянии лечь на землю, слоны опираются на деревья для сна; охотники подрубают дерево, на которое обычно опирается слон, оно падает на животное и не дает ему подняться. Таким образом, им удастся поймать слона и без особых хлопот употребить его в пищу. Этот сюжет рассматривается также в сочинении Гая Юлия Солина «Собрание достойных упоминания вещей» (XX. 7). С одной стороны, действие этого фрагмента происходит в Германии на острове Гангавия. С другой – внимательное прочтение фрагмента указывает на то, что к Германии имеет отношение только некое животное, похожее на лося, ноги которого не гнутся, как и у слона. Все остальные сведения, относящиеся к слону, не перенесены в Германию и служат только его дополнительной характеристикой. Таким образом, нет оснований не включать данный фрагмент в число тех, которые напрямую восходят к сочинению Агафархида.

§ 59. Этот параграф сохранился в пересказе максимально возможного числа авторов: Фотия, Диодора Сицилийского, Страбона, Плиния Старшего и Клавдия Элиана. Последний смешал данные о нашествии мух на область ризофагов (50 a–b) и пауков (59), однако само наличие этих сведений, восходящих к Агафархиду Книдскому, было в литературе отмечено³⁷. Пересказ этого же сюжета Плинием Старшим (59d) исследователи творчества Агафархида оставили без внимания.

§ 62–63. Мюллер отнес указание на вооружение мегабаров (Diod. III. 33. 1)³⁸ к параграфу 63 Diod, тогда как в издании Берстейна им завершается § 62b (= 61 Diod

сего времени» (59b = 59 Diod Müller = 60b Burstein = Diod. III. 30. 4). Она оставлена в корпусе фрагментов, относимых к сочинению Агафархида Книдского, но может рассматриваться и как ремарка Диодора Сицилийского, пересказывавшего труд Агафархида.

³⁶ Хотя Д. Маркотт не поднимал вопрос о принадлежности § 49a Müller (50 Burstein) корпусу Агафархида, фрагменты его сочинения он обозначает вслед за К. Мюллером (см., например, *Marcotte*. Op. cit. P. 409–411).

³⁷ *Burstein*. Op. cit. P. 105, n. 1.

³⁸ ὁπλισμὸν δ' ἔχουσι τῶν Τρωγλοδυτῶν οἱ μὲν ὀνομαζόμενοι Μεγάβαροι κυκλωτερεῖς ὠμοβοῖνας ἀσπίδας καὶ ῥόπαλον τύλους ἔχον περισιδήρους, οἱ δὲ ἄλλοι τόξα καὶ λόγχας. –

Müller). Расположение этой ссылки в издании Берстейна следует признать правильным, хотя в тексте Диодора она выглядит лишней и оторванной от контекста. Тем не менее пересказ этого фрагмента (61c) в «Географии» Страбона (XVI. 4. 17 = Burstein 62c) снимает все вопросы о месте этого сюжета: упоминание дубин мегамбаров соотносится с упоминанием дубин троглодитов, о которых не идет речи в тексте ни Фотия, ни Диодора. Так как Мюллер не стремился ввести в число фрагментов текста Агафархида Книдского соответствующие фрагменты «Географии» Страбона, это обстоятельство ускользнуло от его внимания.

§ 64–70. В изданиях Мюллера и Анри три параграфа пропущены. После § 64 Phot, которому нет соответствия ни в «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского, ни в «Географии» Страбона, ни в иных источниках, Мюллер помещает § 65 Diod (Diod. III. 33. 7–34. 1–4); далее, как и положено, следуют § 66 Phot и Diod. Однако § 67 также отсутствует, и после § 66 Phot, Diod следует § 68 Phot, а после него — § 70 Phot. Параграф 69 в его издании отсутствует по обеим версиям, в виде (69) он встроен в § 68³⁹.

В издании Вёлка пропусков нет, так как его издательский метод подразумевает объединение исходных текстов обоих основных источников (Фотия и Диодора Сицилийского). Если один источник отсутствует, параграф полностью дается по-другому, так что § 65 Diod Müller соответствует § 65 Woelk⁴⁰.

В издании Анри после § 64 следует § 66, а затем — § 68*⁴¹. Пропуск § 65, с одной стороны, объясним: если следовать делению текста, выработанному Мюллером, то § 65 существует только в передаче Диодора Сицилийского. С другой стороны, Анри, вероятно, не обратил внимания на то, что он издавал текст не Агафархида Книдского, а «Библиотеку» патриарха Фотия. Следовательно, отсутствие тех или иных фрагментов текста Фотия, которые соответствовали бы нужному месту из «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского, на что сам Анри обращает внимание⁴², не должно было приводить к пропускам в нумерации в его издании.

В издании Берстейна в этой части реконструируемой работы Агафархида пропусков в нумерации нет. Разве что параграф, следующий после 69, обозначен как 70a, хотя § 70b в его издании нет.

Таким образом, выстраивается следующее соответствие:

64:	64 Phot Müller	= 64 Woelk	= 64 Henry	= 65 Burstein
65:	65 Diod Müller	= 65 Woelk		= 66 Burstein
66a:	66 Phot Müller		= 66 Henry	= 67a Burstein
66b:	66 Diod Müller			= 67b Burstein
67:	67 Diod Müller	= 67 Woelk		= 68 Burstein
68:	68 Phot Müller	= 68 Woelk	= 68 Henry	= 69 Burstein
69:	(69) Phot Müller	= 69 Woelk	= 69 Henry	= 70a Burstein
70:	70 Phot Müller	= 70 Woelk	= 70 Henry	= 71a Burstein

Параграфы 68 и 69 определенно представляют собой единое целое. Фактически их данные сведены в «Географии» Страбона (XVI. 4. 15), однако в его изложении сначала

«Те из троглодитов, которых называют мегабарами, вооружены круглыми щитами, покрытыми сырой воловьей шкурой, и дубинами с железными шипами, остальные же — луками и копьями».

³⁹ GGM. I, 156–157.

⁴⁰ Woelk. Op. cit. S. 54.

⁴¹ Henry. Op. cit. P. 173.

⁴² Henry. Op. cit. P. 173, n. 6.

следует информация § 69, а затем § 68. Возможно, поэтому Мюллер взял номер § 69 в скобки. Очевидно, имеет смысл эти параграфы объединить.

§ 70. Берстейн включил в корпус фрагментов работы Агафархида в качестве § 71b выдержку из «Истории животных» Элиана (NA. XVII. 43): Πάρδαλις Καρικὴ καὶ Λυκιακὴ οὐκ ἔστι μὲν θυμική, οὐδὲ οἷα σφόδρα ἀλτικὴ εἶναι, τὸ σῶμα δὲ μακρὰ· τιτρωσκομένη δὲ καὶ δόρασι καὶ αἰχμαῖς ἀντίτυλός ἐστι, καὶ οὐ ῥαδίως τῷ σιδήρῳ εἴκει... («Карийские и ликийские леопарды не отличаются смелостью, и прыгуны они не очень хорошие, хотя тело у них длинное. При ранении же копьём или стрелой он оказывает сопротивление и не уступает с лёгкостью железу»). Он полагает, что этот фрагмент составляет пару следующему высказыванию Агафархида в передаче Фотия: Ὅτι αἱ παρδάλεις οὐκ εἰσὶ καθάπερ ἐν τοῖς τόποις τοῖς περὶ Καρίαν καὶ Λυκίαν, μακραὶ δὲ τῷ σώματι, καὶ κακοπαθεῖν ἐν τραύμασι καὶ πόνοις δυνάμεναι πολὺ μᾶλλον· τῇ δὲ ἀλγῇ τοσοῦτον διαφέρουσι τῶν ἄλλων, ὅσον ἄγριον ἡμέρου («Леопарды же не похожи на тех, что водятся в Кари и Ликии, они длинны телом, значительно лучше могут терпеть боль при ранениях; скоростью они превосходят всех остальных, как дикое [животное превосходит] домашнее») (§ 70 = 70 Phot Müller = 70 Woelk = 70 Henry = 71a Burstein).

Берстейн не обратил внимания на существенную разницу в этих фрагментах: Агафархид устами Фотия говорит о леопардах аравийских, которых он сравнивает с ликийскими и карийскими, тогда как Элиан говорит только о животных из Малой Азии. При этом рассматриваемый фрагмент сочинения Агафархида, в котором речь идет об аравийских львах, построен на противопоставлении данным фрагмента Элиана. Оба фрагмента несовместимы в рамках одной, более крупной, части работы Агафархида, и, вероятно, оба автора — Агафархид и Элиан — обращаются к одному и тому же источнику.

Параграф 71b следует исключить из собрания фрагментов труда Агафархида Книдского.

§ 78b. В этом параграфе описывается история одного из наиболее захватывающих охотничьих предприятий эпохи Птолемея II Филадельфа в Восточной Африке. Группа охотников отправилась по своему почину на юг в надежде изловить огромную змею, доставить ее живой царю и получить за нее богатую награду. Берстейн, справедливо отстаивая принадлежность этого фрагмента перу Агафархида (в передаче Диодора Сицилийского), не сумел пояснить, почему текст, автор которого говорит об эпохе Птолемея II, мог принадлежать Агафархиду⁴³. Попытка «растянуть» время жизни змеи на целое столетие, конечно, мало состоятельна. Между тем объяснение, как кажется, значительно проще. Текст сочинения Агафархида открывается ссылкой на второго Птолемея (сына Лага), при котором были устроены слоновые заповедники. Вероятно, он же имеется в виду и в § 56: «[Агафархид говорит], что Птолемей, царь Египта, удерживал этих охотников от убийства этих слонов». Во всяком случае несколько сюжетов сочинения Агафархида основаны на материалах первой половины — середины III в. до н.э., и это не вызывало сомнений в принадлежности соответствующих фрагментов перу Агафархида. Следует лишь еще раз обратиться к перечню источников, которыми оперировал Агафархид. Среди них фигурируют ὑπομνήματα (§ 80, 110), «архивные данные», которые и должны относиться к эпохам предшествующих царств. Ссылки на данные эпохи Птолемея II в работе Агафархида Книдского не должны сами по себе вызывать сомнения в авторстве фрагментов.

§ 84. В издание Берстейна в качестве § 85c был включен фрагмент «Географии» Страбона (XVI. 4. 7), в котором описывается область южнее о. Змеиный до гор Тавры.

⁴³ Burstein. Op. cit. P. 126, n. 2.

Вторая часть этого параграфа в корпус фрагментов сочинения Агафархида включена не была и попала в раздел «Unplaced fragments» (подраздел «Probable fragments») ⁴⁴, и обоснований этому издатель не представил. Между тем во второй части этого фрагмента приводятся данные, которые являются непосредственным продолжением сведений из первой его части как в географическом, так и в смысловом отношении. Кроме того, именно там упоминается об отправке Филадельфом II Эвмеда, основавшего по его приказу Филадельфию Охотничью, а этот сюжет послужил одним из побудительных мотивов к составлению всей работы Агафархида. По этим причинам данный параграф должен быть включен в состав сочинения Агафархида Книдского в качестве продолжения § 84с.

§ 112. Берстейн не включил в свое издание фрагмент 111 Müller Phot = 111 Woelk = 111 Henry, не дав, однако, этому никаких объяснений. Говорится в нем о сочинении Арриана, который написал книжечку о природе, устройстве и явлении комет ⁴⁵. Сам по себе этот фрагмент, последний в корпусе выдержек из сочинения Агафархида по более ранним изданиям Мюллера, Вёлка и Анри, отношения к Эритрейскому морю не имеет, однако он начинается так же, как и многие другие фрагменты «Библиотеки» патриарха Фотия, почерпнутые из работы Агафархида Книдского: с ὅτι. Кроме того, выше (§ 108 = 107 Müller = 107 Woelk = 107 Henry = 109 Burstein) Агафархид ведет дискуссию по естественно-научным вопросам. Конечно, Агафархид не мог ссылаться на труд Арриана, написавшего Περί μετεώρων несколькими веками позже. К тому же предыдущий параграф завершается так, как и должно заканчиваться крупное сочинение, т.е. ярко выраженной концовкой: Ὁ δὲ καὶ τοῖς κατὰ μέρος πράγμασιν ἐντετευχὼς, καὶ λόγοις κατεσκευασμένος ἱστορίας ἀξίοις, καὶ προαίρεσιν ἔχων δυναμένην δόξαν πόνῳ θηρεύειν, οὐκ ἀφέξεται («Тот же, кто занимается делами подробно и обладает стилем, достойным истории, и добровольно ищет великой славы трудом, не отступит»). Ссылка на Арриана не только неуместна хронологически. Поставленная после яркой концовки, она явно выглядит как более поздняя приписка. В данном случае следует признать правоту Берстейна, исключившего этот фрагмент из своего издания.

КОМПОЗИЦИЯ СОЧИНЕНИЯ

Восстановление структуры утерянной работы всегда сталкивается с множеством трудностей. Трудности эти обусловлены не только тем, что утрачена сама работа. Они усиливаются еще и различной сохранностью фрагментов в «Библиотеке» Фотия: от кратких фрагментов, лишь намечающих сюжет, до весьма пространных выписок, которые, однако, часто не связаны между собой.

О. Иммиш и Д. Вёлк не анализировали подробно структуру сочинения Агафархида в целом, однако и тот и другой считали, что первый из сохранившихся фрагментов, посвященный ловле слонов и диких животных при Птолемеи II, не мог являться

⁴⁴ Burstein. Op. cit. P. 175.

⁴⁵ Ὅτι Ἀρριανὸς περὶ κομητῶν φύσεως τε καὶ συστάσεως καὶ φασμάτων βιβλιδάριον γράψας, πολλοῖς ἀγωνίσμασι πειρᾶται δεικνύναι ὅτι μηδὲν μῆτε τῶν ἀγαθῶν μῆτε τῶν φαύλων τὰ τοιαῦτα φάσματα ἀποσημαίνουσιν.— «[Говорит,] что Арриан, написавший книжечку о природе, устройстве и явлении комет, стремится показать в многочисленных дискуссиях, что эти явления не знаменуют ничего доброго и ничего дурного». Согласно переводу Мюллера, Арриан написал книжицу о природе комет и устройстве метеоров: de cometarum natura et constitutione meteororum (GGM. I, 194). Однако такой перевод скорее всего неточен: φύσεως τε καὶ συστάσεως καὶ φασμάτων являются однородными членами при κομητῶν. К тому же в конце фрагмента комета отождествлена с φάσματα, т.е. с «явлением». Если бы Арриан имел в виду кометы и метеоры, то он не обозначил бы их одним понятием.

собственно началом работы (*Eingang des Werkes*). В качестве такового они рассматривали следующий большой раздел книги I, посвященный происхождению названия «Эритрейское море» (§ 2–5), а указанный фрагмент рассматривали как *prooemium*⁴⁶.

Это суждение не может быть принято по целому ряду причин. Во-первых, речь идет не о «начале работы», как утверждает Вёлк, а о начале V книги. Во-вторых, утверждение Вёлка противоречит его же мнению о том, что «охота на слонов была одной из важнейших, если не центральной темой всей работы Агафархида»⁴⁷. Если именно интерес Птолемея к слонам подтолкнул Агафархида на написание всей работы, вполне естественно, чтобы именно этот сюжет и открывал работу или одну из составляющих ее частей. Значительное превосходство в объеме части, посвященной анализу происхождения названия «Эритрейское море», связано с тем, что этот сюжет вызывал более живой интерес у эпитоматора, т.е. патриарха Фотия.

Как указывает Берстейн, безнадежность попыток восстановления I книги кажущаяся: сохранившиеся фрагменты делятся на две группы: § 1–9 относятся к начальному этапу активности Птолемея в Красном море, § 10–20 – к долине Верхнего Египта.

В изложении Берстейна структура сочинения Агафархида выглядит следующей: фрагмент 1 указывает на причину начала освоения Эфиопии при Птолемеи II и в качестве таковой приводится стремление к обладанию слонами, фрагменты 2–5 трактуют название «Эритрейское море», фрагменты 6–9 составляют методологическую основу критики мифологического происхождения названия моря, фрагмент 9 с описанием охоты на слонов возвращается к теме фрагмента 1. Фрагменты 10–18 описывают границы Египта и причины начала войны, приготовления к которой описаны во фрагментах 19–20. Возможно, книги II–IV описывали военные действия и иные мероприятия Птолемея в Эфиопии⁴⁸. Содержание V книги, сохранившейся почти полностью, по мнению Берстейна, ограничивалось этнографическим компонентом: после пролога следует описание народов прибрежных красноморских областей (§ 31–64), животного мира Эфиопии (§ 68–80), побережья от современного Суэцкого залива до Баб-эль-Мандебского пролива (§ 81–86). Сюжетные линии соединены «переходами»: так, фрагменты 30, 65–67 являются введением к описанию ихтиофагов и животного мира соответственно. Приложение с описанием красноморских диких животных и автобиографический эпилог завершают сочинение Агафархида⁴⁹.

Структура сочинения Агафархида в изложении Берстейна представляется значительно упрощенной. Судить о ней определенно мы не можем, так как само сочинение сохранилось лишь в выписках из первой и пятой книг. Деление книг на параграфы совершенно условно, оно было введено в издании Мюллера (*GGM*. I), однако вполне точно отражает смену сюжетов в выписках патриарха Фотия.

Первая книга открывается ссылкой на разведение слонов при Птолемеи Лаге (§ 1), тема слонов вновь возникает в § 9. Вероятно, поход на юг за слонами мог явиться непосредственным поводом для написания анализируемой работы. Агафархид сам указывает, что всеобъемлющего сочинения о юге ойкумены до него написано не было (§ 64). Так как царь собрался в поход в Эфиопию, вероятно, за слонами для укрепления собственной армии, ему потребовался источник сведений об этом регионе. Возможно, через Гераклида

⁴⁶ *Immisch O. Agatharchidea*. Heidelberg, 1919. S. 20; *Woelk*. Op. cit. S. 88.

⁴⁷ *Woelk*. Op. cit. S. 100.

⁴⁸ *Burstein*. Op. cit. P. 24–25.

⁴⁹ *Burstein*. Op. cit. P. 24–26. При ссылке на исследование Берстейна нумерация параграфов дается по его изданию, без соотнесения их с нумерацией, принятой в издании Мюллера.

Лемба такое поручение было дано Агафархиду. Естественно, что свое сочинение в таком случае он должен был начать с упоминания эфиопских слонов, так как именно охота на них и могла стать непосредственным поводом для начала работы Агафархида.

Параграфы 2–5 посвящены изложению и анализу гипотез о происхождении названия Эритрейского моря. Так как одним из информаторов Агафархида был Бокс — перс по происхождению, а одна из гипотез связана с именем легендарного царя Эритра, правившего в Персии, Агафархид (в изложении Фотия) переходит к анализу происхождения этнонима «персы» (§ 6) и мифа о Персее (§ 7). При этом в тексте Фотия сохранена прямая речь, принадлежащая, судя по контексту, самому Агафархиду. В задачу этого раздела, самого пространного из сохранных Фотием, входила демонстрация нелепости мифа о Персее, для чего были пересказаны многочисленные подобные мифы.

Затем Агафархид переходит к определению цели своего труда (§ 8), заключающейся в посрамлении мифографов. В § 9 он снова возвращается к теме слонов, обитавших в Индии, Эфиопии и Ливии; § 10 посвящен краткому изложению географического положения Египта. Вставка фрагментов 9–10 между рассуждениями об историчности и мифологичности выглядит неестественной. Представляется оправданным перенести фрагменты 9–10 в иное, содержательно более подходящее место.

Анализируя следующий раздел, § 11–18, Берстейн⁵⁰ исходит из того, что в данном случае патриарх Фотий воспроизводит речь Птолемея II в 70-е годы III в. до н.э. перед нубийским походом. В подтверждение своего мнения он ссылается на «Идиллии» Феокрита (17), так называемый «Энкомий Птолемею»⁵¹ и «Историческую библиотеку» Диодора Сицилийского⁵². По мнению Д. Маркотта, речь в данном случае идет, вероятно, о Птолеме V Эпифане (205–180)⁵³.

В § 11 содержатся следующие рассуждения: Αὐστηρὸς ὁ λόγος, ἀλλὰ σωτήριος· δηλοῦται γὰρ οὐ λύτης ἀλλὰ φυλακῆς ἔνεκεν, καὶ τὴν ἡδονὴν ἐκ τῶν λόγων ἤρκεν, ὅπως τῆς ἐκ τῶν πραγμάτων χάριτος ἀπολαύοντες μηδέποτε ἀντὶ τοῦ βελτίονος τὸ χεῖρον αἰρώμεθα, ἢ πρὸς Διὸς καὶ θεῶν, ἵνα μηδὲ τῶν ἐν μέσῳ χεϊμένων ἔνια παρίωμεν⁵⁴. Традиционно их вкладывают в уста воспитателя царя⁵⁵. С этим не согласен Маркотт⁵⁶,

⁵⁰ *Burstein*. Op. cit. P. 50.

⁵¹ Перевод на русский язык см. *Феокрит, Мосх, Буон*. Идиллии и эпиграммы. Пер. и коммент. М.Е. Грабарь-Пассек; Отв. ред. Ф.А. Петровский. М., 1958. С. 80–85.

⁵² *Diod. I. 37. 5*: ...ἀπὸ γὰρ τῶν ἀρχαίων χρόνων ἄχρι Πτολεμαίου τοῦ Φιλαδέλφου προσαγορευθέντος οὐχ ὅπως τινὲς τῶν Ἑλλήνων ὑπερέβαλον εἰς Αἰθιοπίαν, ἀλλ' οὐδὲ μέχρι τῶν ὄρων τῆς Αἰγύπτου προσάνεβησαν· οὕτως ἄξενα πάντα ἦν τὰ περὶ τοὺς τόπους τούτους καὶ παντελῶς ἐπικίνδυνα· τοῦ δὲ προειρημένου βασιλέως μεθ' Ἑλληνικῆς δυνάμεως εἰς Αἰθιοπίαν πρώτου στρατεύσαντος ἐπεγνώσθη τὰ κατὰ τὴν χώραν αὐτὴν ἀκριβέστερον ἀπὸ τούτων τῶν χρόνων.— «Ведь с древнейших времен до Птолемея, прозванного Филадельфом, не только никто из греков никогда не вторгнулся в Эфиопию, но и до границ Египта никто не доходил: до такой степени все эти области неблагоприятны для иноземцев и в целом опасны; но после того как названный царь совершил поход в Эфиопию с армией греков, первым совершившим это, с того времени эта страна стала лучше известна».

⁵³ *Marcotte*. Op. cit. P. 389.

⁵⁴ «Книга сурова, но целительна, ибо она разъясняет не для того, чтобы причинить боль, а для охраны. Она удалила радость из изложения, чтобы мы, наслаждаясь радостью делового изложения, вместо лучшего не выбрали худшее, или ради Зевса и богов, чтобы иногда не прошли мимо лежащего посредине».

⁵⁵ *Verdin H.* Agatharchide et la tradition du discours politique dans l'historiographie grecque. In: E. van't Dak, P. van Dessel, W. van Gucht (eds.), *Egypt and the Hellenistic World. Proceedings of the International Colloquium Leuven 24–26 May 1982*. Louvain, 1983. P. 407–420.

⁵⁶ *Marcotte*. Op. cit. P. 419.

который обнаруживает параллель § 12 в начале IX книги «Всеобщей истории» Полибия⁵⁷. Он полагает, что таким образом Агафархид обозначил суть своего подхода к изложению истории: оно ведется не ради развлечения, а для обеспечения максимально делового подхода к данному вопросу. Это наблюдение выглядит вполне правдоподобным, тем более что начало V книги (§ 21) также посвящено анализу подходов к освещению исторических событий: избыточно эмоциональному и сухому, сосредоточенному на главном. К сожалению, ссылку на сочинение Полибия Маркотт, как кажется, далее не развил. Он перешел к анализу других сюжетов, и источник параллелизма между двумя сочинениями остался нераскрытым.

Источник влияния на форму изложения у Агафархида «советов царю» Маркотт видит в VII книге Геродота (VII. 10–18), где говорится, как Артабан, дядя и советник молодого Ксеркса, предупреждает его об опасностях войны с греками. При этом в качестве примера приводится ссылка на поражение Камбиза от эфиопов. Имея перед собой эту литературную модель, Агафархид мог сформировать свою в противовес Геродоту и противопоставить установки воспитателя Лагида призывам Артабана⁵⁸. Эта модель, сама по себе вполне возможная, низводит, однако, сочинение Агафархида, во всяком случае вторую половину I книги, до уровня литературного памфлета, имевшего мало общего с «суровым» подходом к истории, верность которому он столь охотно постулировал.

Дальнейшие рассуждения в данном параграфе говорят о продолжении дискуссии историка с мифографом и противопоставлении λόγος («лучшее») – μῦθος («худшее»). Так, в § 17 Агафархид (в изложении Фотия) дает понять, что целью его работы является наставление наследнику престола, он обращается к конкретному лицу от своего собственного имени. Всякий раз, анализируя тот или иной фрагмент работы Агафархида, необходимо помнить, что до наших дней дошел лишь пересказ отдельных фрагментов сочинения и что всякое утверждение обречено остаться лишь более или менее правдоподобным предположением. Тем не менее, исходя из того, что Агафархид был сотрудником Гераклида Лемба (наставника Птолемея VI Филометора, при котором были разбиты участники Верхнеегипетского восстания в 186 г. до н.э. и который проводил активную колонизационную политику в отношении Эфиопии⁵⁹), рассматриваемый фрагмент можно считать скорее передачей слов Гераклида, обращенных именно к этому царю, в передаче Агафархида, которому надлежало воспитывать и действовать, основываясь не на мифах, а на достоверных сведениях, а не речью Птолемея II, обращенной к его войску (С. Берстейн), или советами Птолемею V (Д. Маркотт), к которому покровитель Агафархида отношения не имел. Во всяком случае, как показывает § 59a–b (59 Phot, Diod Müller = 59 Henry = 60a–b Burstein), Агафархид мог заимствовать из работ Гераклида Лемба информацию, в частности сведения о дожде из лягушек, который вынудил покинуть привычные места обитания илирийское племя автаритов (FGH III. 168 F. 3).

⁵⁷ Polyb. IX. 1. 1–2. 7: οὐκ ἄγνοω δὲ διότι συμβαίνει τὴν πραγματείαν ἡμῶν ἔχειν αὐστηρόν τι... διόπερ ἡμεῖς οὐχ οὕτως τῆς τέρψεως στοχαζόμενοι τῶν ἀναγνωσομένων ὥς τῆς ὠφελείας τῶν προσεχόντων.— «Я не отрицаю, что сочинение наше страдает некоторою сухостью... Вот почему... мы оставили все прочее в стороне и отделились нашей задаче» (пер. Ф.Г. Мищенко).

⁵⁸ Marcotte. Op. cit. P. 420.

⁵⁹ Подробнее см. Bevan E.R. The House of Ptolemy. A History of Hellenistic Egypt under the Ptolemaic Dynasty. Chicago, 1927. P. 294–295; *Fontes Historiae Nubiorum*. Textual Sources for the History of the Middle Nile Region between the Eighth Century B.C. and the Sixth Century B.C. Vol. II. From the Mid-Fifth to the First Century B.C. Ed. by T. Eide et al. Bergen, 1996. P. 137–138.

Далее, § 19 посвящен описанию боевых луков эфиопов, которое практически полностью повторяет их описание в § 54 Müller = 55 Burstein. Вполне вероятно, Птолемей не имели определенного представления о боевом вооружении эфиопов, и описание луков в § 19 не отражает реальных приготовлений к боевым действиям, так как сведения эти были взяты из описания охоты на слонов. Завершается первая книга описанием контрмер Птолемея, принятых против эфиопских лучников (§ 20).

Пятая книга начинается с составляющего § 21 длинного рассуждения об особенностях ораторского искусства в лице ряда его представителей IV–III вв. до н.э. Ни одно из упоминаемых в нем лиц, ни один затронутый сюжет не имеет ни малейшего отношения к акватории Эритрейского моря, как бы широко его ни понимать. Вероятно, это и дало Г. Фритену основание полагать, что этот фрагмент вовсе не относится к сочинению об Эритрейском море, а принадлежит работе об истории Азии⁶⁰, а О. Иммишу – что фрагмент оторван от содержания самой книги и посвящен совершенно частному вопросу (изображению тяжелых стараний человека), хотя и принадлежит трактату «Об Эритрейском море»⁶¹. Действительно, через все длинное рассуждение § 21 красной нитью проходит тема страдания, которая прослеживается и в последующих разделах, изображающих страдания работников-рудодокопов⁶².

Однако представляется, что основной темой в рассматриваемом разделе является не страдание само по себе. Агафархид пространно рассуждает о стилях описания страданий, о степени «сгущения красок», допустимой при этом для уважающего себя писателя. Так как в следующих параграфах (24–29) Агафархид обращается к теме страдания работающих на золотоносных шахтах в Южном Египте, этот параграф выглядит скорее теоретическим обоснованием использования собственного, достаточно сухого и не отвлекающего от сути изобразительного стиля. Агафархид полемизирует с теми риториками, чей стиль слишком красноречив и патетичен. Именно в этой полемике состоит суть данного фрагмента: Агафархид явно не желает быть причислен к тем, кто изображал страдания тех или иных городов, подвергавшихся разрушению, и при этом сильно преувеличивал. Однако Иммиш, безусловно, прав в том, что тема страдания, боли и противоположных состояний является одной из важнейших в сочинении Агафархида, верно указывая на те или иные фрагменты, в которых эта тема повторяется. И все же финальный вывод Иммиша⁶³ слишком далеко отодвигает этот раздел от остальной части книги.

Следующий же параграф (22) представляет собой описание земель от Мемфиса до южных границ Фиваиды и начала Эфиопии. Это описание проходит почти полностью по номам левого (западного) берега Нила и явно основано на каком-то реальном путешествии. Оно переходит на правый (восточный) берег, когда путь доходит до Копта, от которого можно было добраться уже до самого Красного моря, или продолжить путь дальше на юг вдоль Нила. Затем говорится о направлении течения Нила и о добыче благородных металлов на границе Египта, Эфиопии и Аравии (§ 23). Параграфы 22 и 23 в смысловом отношении примыкают друг к другу. В следующих

⁶⁰ *Friten H.J. De Agatharchide Cnidio. Dissertatio quam ad summos in philosophia honores ab amplissimo philosophorum in Academia Rhenana ordine rite impetrandos. Bonn, 1848. P. 31.*

⁶¹ “nach dem Bericht des Photius... eröffnete sein fünftes Buch ein sehr umfängliches Proömium ... welches... scheinbar ganz losgelöst vom Inhalt des machfolgenden Buches eine artistische Einzelfrage erörtert, für Poesie wie Prosa, und zwar die Frage nach der wirkungsvollsten Darstellung schwersten menschlichen Unglücks” (*Immisch. Op. cit. S. 4*).

⁶² *Immisch. Op. cit. S. 9–10.*

⁶³ *Immisch. Op. cit. S. 12: “dieses Proömium ist seinem zugehörigem Buche nicht völlig stofffremd, es ist ex aliqua rei vicinia petitum”.*

параграфах (24–29), примыкающих в свою очередь к § 22–23, Агафархид продолжает описание Южного Египта: темой этих разделов является технология выработки золота, а также страдания работающих на золотоносных шахтах. Непременным источником человеческого страдания является наличие царской власти в форме тирании. В значительной степени описание работ по добыче золота построено так, чтобы вызвать у читателя жалость к несчастным рабочим.

Следующие 19 параграфов (30–49) посвящены описанию народов, обитающих к югу от Египта на морском побережье, прежде всего ихтиофагов. Кроме того, один параграф (47) посвящен описанию хеленофагов, а еще один (48) – описанию народа, живущего чуть вдали от берега, после чего подводится философский итог этой части описания. Показательно, что и описание ихтиофагов выводит в конечном итоге на соотношение удовольствия и страдания в их жизни, на присутствие у них природного чувства удовольствия и отсутствия чувства прекрасного и постыдного. В § 33 Агафархид снова обращается к мировоззренческим вопросам – отношениям человеческой нужды и природы, истокам прогресса в целом: благое желание рождает нужду, которая в свою очередь приспособливает природу в соответствии с имеющимися возможностями. В следующем параграфе (34), в котором описывается способ приготовления рыбных котлет, Агафархид снова говорит о наличии у ихтиофагов природных чувств, в частности ограничителей в еде и природных же стимулов – собственного желания. В этих параграфах (35–38) ихтиофаги предстают мирными детьми природы, не знающими современных им достижений цивилизации, не имеющими, однако, ни в чем недостатка, жизнь которых наполнена радостью.

В § 40b (= Diod. III. 18. 2) впервые встречается понятие, центральное для описания регионов, расположенных за пределами современного Баб-эль-Мандебского пролива. Агафархид (если, конечно, Диодор точно передал исходный текст, отсутствующий, кстати, у Фотия) говорит о «блаженстве» ихтиофагов (εὐδαιμονία). Можно предполагать, что этот термин передан точно, так как он отражает представления Агафархида о районах, расположенных за этим рубежом. Он же говорит о Счастливых островах, также лежащих как на крайнем севере (§ 7), так и за современным Баб-эль-Мандебом (§ 104). Весьма интересна разница в тональности описания Островов блаженных, о которых античная традиция знала веками и ассоциировала с местом упокоения героев, и Островов блаженных, лежащих на крайнем южном пределе ойкумены. О давно известных островах, по мнению Агафархида, никто не сообщает ничего определенного, и их упоминание само по себе дает повод к насмешкам (даже женщинам!). Между тем Острова блаженных на крайнем юге для Агафархида нечто вполне реальное. Хотя скот на них белый и море белое и похоже на реку, он упоминает пристани для индийских судов. Идеализированная реальность, в описании которой присутствуют мифологические мотивы, связанные с переходом в «мир иной», переплетается с реальностью совершенно прагматической. В любом случае важным представляется то, что в описании Агафархида за «проливом» начинается область блаженства (εὐδαιμονία).

Параграф 49 является итоговым для всего описания ихтиофагов. Агафархид еще раз подчеркивает, что отсутствие излишков, стремления к обладанию богатством, «святая простота» и есть истинное счастье, обеспечивающее жизнь по справедливости, а не из страха перед законами. Символом же страдания общества, современного Агафархиду, является погоня за прибылью тех, кто занят в сфере морской торговли.

Дальнейшая часть описания, § 50 Müller / § 51 Burstein, вводится словами μετὰ τοὺς Ἰχθυοφάγους («после ихтиофагов»). Следуя логике изложения можно было бы предположить, что Агафархид ведет его далее в южном направлении. Крайним южным пределом в разделе, посвященном описанию ихтиофагов, является широта

хеленофагов, живших, как известно из «Географии» Страбона (XVI. 4. 14), на одной широте с Ястребиным островом, т.е. современным архипелагом Фарасан. Агафархид же переходит к описанию Мероэ и прилегающих областей, т.е. описание отклоняется от привычного курса на северо-запад, уходя значительно в глубь материка.

Затем еще далее на запад уходит описание одного из родов эфиопов: слоновборцев и охотников на слонов (53 Müller Phot, Diod = 54 a–b Burstein). В этом параграфе особенно ярко представлен образ обитателей крайнего юга ойкумены. Они не просто ведут примитивный образ жизни, их описание практически соответствует образу участников тавромахии (боев с быками, практиковавшихся в минойском мире), что не было отмечено никем из переводчиков произведений Агафархида⁶⁴. Диодор Сицилийский их даже именует Αἰθίοπες Ἐλεφαντομάχοι κυνῆγοι. Эта область расположена εἰς τὰ πρὸς δυσμὰς, т.е. речь идет о так называемых «западных» (точнее, юго-западных) эфиопах, что в античной картине мире соответствует границам обитаемого мира. Они насакаивают на слонов, пасущихся в одиночку, держась за хвост одной рукой, другой перебивают им подколенные сухожилия, и в случае удачи все племя набрасывается на еще живого слона и поедает его мясо. Этот вид охоты, однако, чрезвычайно опасен. Агафархид пишет, что он представляет собой практически соревнование между охотником и слоном, а на кону стоит жизнь обоих. Если эфиоп потерпит неудачу, слон может упасть навзничь и раздавить охотника или прижать его к камню или дереву и убить своим весом.

Все эти обстоятельства точно соответствуют описанию тавромахии, реконструируемой на основе изображений на минойских фресках, печатях, рельефах. Бой с быком выполнял сакральную ритуальную функцию, определявшую систему контактов с потусторонним миром. Он представлял собой разновидность жертвоприношения, добровольного для человека, при этом божество решало, кто должен был быть принесен в жертву: человек, животное или оба участника битвы. При этом в играх с быками присутствовали элементы и охоты, и «экстремальной» акробатики, отмеченные и в описании элэфантомахии у Агафархида: охотник должен прыгнуть на слона сзади, в то время как критские акробаты перепрыгивали через быков. В центре тавромахии стоял культ божественного быка. Ю.В. Андреев, реконструировавший элементы тавромахии, отмечает необходимость постоянных тренировок для развития должной ловкости у участников этих игр⁶⁵; на это же обращает внимание и Агафархид Книдский, говоря о поразительной сноровке слоновборцев: παράδοξον δὲ ὀξύτητα τοῖς ἔργοις προσφέρουσιν (53 Müller = Diod. III. 26. 2).

Во всяком случае очевидно, что образу охотников на слонов, их локализации на крайнем юго-западе ойкумены присущи отчетливые черты образа «западных эфиопов», обитающих на краю мира и поддерживающих с потусторонним миром тот же вид контактов, какой был у участников тавромахии в давно, казалось бы, ушедшую в небытие эпоху критских дворцов.

Обзор «малых народов» Юго-Западной и Западной Африки завершает § 60a–b: автор описал все известные ему народы, населявшие внутреннюю часть Африки до юга. Следующей сюжетной линией является описание троплодитов (§ 61a–с и 63a–с),

⁶⁴ Пространный комментарий к сообщению об охоте на слонов составил Вёлк (*Woelk*. Op. cit. S. 147–150). В нем много полезных сведений, взятых из работ африканистов, однако нет ни слова о сходстве описания охотников на слонов с тавромахией. Скучным комментарием в несколько строк по этому вопросу ограничился Берстейн (*Burstein*. Op. cit. P. 96, n. 2).

⁶⁵ Андреев Ю.В. Минойская тавромахия в контексте критского цикла мифов. В кн.: Ю.В. Андреев. *В ожидании «греческого чуда»*. Из записных книжек. СПб, 2010. С. 166.

т.е. изложение продолжается в юго-восточном направлении, возвращаясь в сторону побережья современного Красного моря южнее залива Зула и архипелага Дахлак — именно в этом районе следует локализовать ареал обитания хеленофагов, после которых описание переместилось в глубь материка.

Параграф 64 (64 Müller = 65 Burstein) является «программным» для объяснения цели всего труда Агафархида об Эритрейском море. Автор говорит о том, что западная, восточная и северная часть уже были описаны другими историками, и только южная — им. Фактически он претендует на то, что лишь им было составлено первое специализированное сочинение о южной части ойкумены. В таких претензиях нет ничего особенного, вполне возможно, что в этом Агафархид абсолютно прав. Однако требует решения следующий вопрос: почему такое заявление оказалось, во всяком случае в пересказе Фотия, именно в этой части труда Агафархида — там, где он переходит к рассуждению о климате, образе жизни различных народов (§ 65–66a–b), — а не в самом начале его работы? Едва ли можно дать ответ с полной определенностью, хотя бы потому что нет полной уверенности в том, что Фотий копировал текст Агафархида в той последовательности глав, которая задана самим Агафархидом. Во всяком случае в передаче Диодора Сицилийского эти рассуждения отсутствуют.

Параграфы 67–79 посвящены описанию животного мира Восточной Африки. Они представляют собой набор диковинок, крайностей, призванных подчеркнуть различия между срединным климатом Средиземноморья и природными эксцессами крайнего юга ойкумены.

Параграф 80 посвящен форме Эритрейского моря. В дальнейшем Агафархид описывает африканский (§ 81–85) и аравийский (§ 86–97) берега Эритрейского моря. Последняя часть работы Агафархида (§ 98–111) посвящена описанию Южной Аравии, в частности народа «сабеев», особенностей флоры, фауны, различных природных явлений, наблюдаемых у них. Именно этот раздел является кульминацией всей его работы.

Несмотря на то, что сочинение Агафархида Книдского «Об Эритрейском море» сохранилось только во фрагментарном пересказе, композиция пятой книги вполне ясна. Автор ведет изложение от темы страдания к сюжетам блаженной жизни. Страданиям и тирании, царившим в Египте, противопоставлена мирная жизнь ихтиофагов и пастухов на Островах блаженных, изобилующих всяческим богатством. Однако их жизнь не является для Агафархида идеалом, так как, несмотря на отсутствие у «малых народов» пристрастия к материальным благам, она в сравнении с жизнью обитателей Южной Аравии (сабеев, кто бы ни скрывался за этим обозначением) лишена правильного (т.е. уравновешенного) материального основания. Так, он говорит: *Οὕτως ἄπαν ἐπίτευγμα μεσότητι μὲν καὶ τάξει κυβερνώμενον παραλέμλει τὸν βίον, συμμετρίας δὲ καὶ καιροῦ στερηθὲν οὐκ ἔχει τὴν κτῆσιν ὀνησιφόρον*⁶⁶. Именно так и ведут свою жизнь «сабеи». У них господствует материальный достаток, однако они умеют уравновесить удовольствие от такого образа жизни, сознательно добавляя в него негатива. Это дает им возможность не разложиться ни духовно, ни материально. И судьба, как следует из § 99a–b, также не дает им полностью расслабиться, в частности, населив их землю ядовитыми змеями. Тем не менее именно у сабеев Агафархид обнаруживает

⁶⁶ «Таким образом, любое преимущество, используемое умеренно и упорядоченно, двигает жизнь вперед, лишненное же равновесия и меры, оно остается без полезного основания» (100a = 99 Phot Müller = 99 Henry = 101a Burstein). Приблизительно теми же словами говорит он и в параллельном фрагменте 100b (99 Diod Müller = 101b Burstein = Diod. III. 47. 3).

необходимый баланс добрых и злых сил, который способствует развитию наиболее благоприятного для человека образа жизни.

История и география используются им как инструменты, а не как собственно предмет исследования. Агафархид предстает перед читателем в большей степени философом, чем историком или географом. Он и сам не претендует на большее⁶⁷. Тем не менее в его сочинении немало сведений, исключительно важных для реконструкции истории красноморского бассейна.

ПЕРЕВОД «ОБ ЭРИТРЕЙСКОМ МОРЕ» АГАФАРХИДА КНИДСКОГО

Перевод выполнен на основе принципов, выработанных К. Мюллером и усовершенствованных в издании С. Берстейна, в которые были внесены некоторые изменения⁶⁸. Если в издании Берстейна любой фрагмент, взятый не из «Библиотеки» Фотия, обозначается как *b*, то в предлагаемом ниже издании, если выдержки из сочинения «Об Эритрейском море» содержатся только в сочинениях Фотия или Диодора, они воспроизводятся как фрагменты *a* и *b*. Если те или иные фрагменты были по-разному записаны Фотием и Диодором, то, как и в издании Берстейна, слева дается текст Фотия, справа – Диодора. Однако если текст Агафархида может быть воспроизведен или подтвержден на основании «Географии» Страбона, то соответствующие фрагменты из работы последнего даются не в подстрочном примечании, но после фрагментов из сочинений Фотия и Диодора. Обозначение литерой *c* сохраняется. Если тот или иной фрагмент сохранился в ином источнике, например, в работе «История животных» Клавдия Элиана или в «Естествознании» Плиния Старшего, он также воспроизводится в основном массиве текста.

Перевод греческого текста «Об Эритрейском море» из «Библиотеки» патриарха Фотия Великого сделан по изданию Р. Анри (см. выше, прим. 3).

Перевод фрагментов сочинения Агафархида из «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского выполнялся по изданию Ч. Олдфазера (см. выше, прим. 28). Целый ряд фрагментов, пересказывающих труд Агафархида (Diod. III. 15–33), ранее переводился на русский язык Л.А. Фрейберг⁶⁹. Перевод выполнен легким, изящным языком, однако в нем немало мелких погрешностей, которые не позволяют его цитировать без постоянной перепроверки. Для пояснения можно взять перевод следующего фрагмента: *περὶ πρῶτων δὲ τῶν Ἰχθυοφάγων ἐροῦμεν τῶν κατοικοῦντων τὴν παράλιον τὴν ἀπὸ Καρμανίας καὶ Γεδρωσίας ἕως τῶν ἐσχάτων τοῦ μυχοῦ τοῦ κατὰ τὸν Ἀράβιον κόλπον ἰδρυμένου, δὲ εἰς τὴν μεσόγειον ἀνήκων ἁπλοῦς διάστημα δυσὶν ἡπείροις περικλείεται πρὸς τὸν ἔκπλου, τῇ μὲν ὑπὸ τῆς εὐδαίμονος Ἀραβίας, τῇ δ' ὑπὸ τῆς Τρωγλοδυτικῆς. τούτων δὲ τῶν βαρβάρων τινὲς μὲν γυμνοὶ τὸ παράπαν βιοῦντες κοινὰς ἔχουσι τὰς γυναῖκας καὶ τὰ τέκνα παραπλησίως ταῖς τῶν θρεμμάτων ἀγέλαις... (III. 15. 1–2).*

Так, фраза *δυσὶν ἡπείροις περικλείεται πρὸς τὸν ἔκπλου*, τῇ μὲν ὑπὸ τῆς εὐδαίμονος Ἀραβίας, τῇ δ' ὑπὸ τῆς Τρωγλοδυτικῆς переведена следующим образом:

⁶⁷ См. § 108 = 107 Müller = 107 Woelk = 107 Henry = 109 Burstein: *ἱστορίαν δὲ ἀπαγγέλλοντες ἀληθινὴν οὐκ ἂν ὑπομείναμεν* – «на правдивое же написание истории мы не отваживаемся».

⁶⁸ Перевод I книги был издан ранее (Бухарин М.Д. Агафархид Книдский. «Об Эритрейском море». В кн.: *Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры*. Вып. 2. М., 2012. С. 391–415), однако перевод ряда параграфов представлен ниже в новой редакции.

⁶⁹ Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. В кн.: *История Африки в древних и средневековых источниках*. М. 1990. С. 56–66.

«...оканчивающийся гаванями на двух окраинах — у Счастливой Аравии, и у страны троплодитов». Наличие гаваней, которые расположены на «окраинах», плод фантазии переводчика: согласно тексту Агафархида, Аравийский залив ограничивается «двумя берегами». Фраза *κοινὰς ἔχουσι τὰς γυναῖκας καὶ τὰ τέκνα παρὰ πηλοῖς ταῖς τῶν θρεμμάτων ἀγέλαις* переведена так: «и имеют общих жен, а детей держат близь питающих их стад»⁷⁰. В данном случае *τὰς γυναῖκας* и *τὰ τέκνα* — однородные дополнения, зависимые от *ἔχουσι, κοινὰς*, является определением при обоих однородных членах, а наречие *παρὰ πηλοῖς* означает не «при (питающих — еще одна фантазия переводчика)», а «подобно». Правильный перевод звучит следующим образом: «имея женщин и детей сообща, почти как стада животных».

Перевод «Географии» Страбона, выполненный Г.А. Стратановским, в целом заслуживает доверия, однако, как правило, в него вносились определенные изменения, что оговаривается в примечании. Необходимость ревизии перевода труда Страбона видна хотя бы из следующего примера. Страбон начинает описание страны сабеев следующим образом: *Συνάπτεται δ' ἡ τῶν Σαβαίων εὐδαίμονεστάτη, μεγίστου ἔθνους* (XVI. 4. 19). Эта фраза составляет часть фрагмента 97с = Burstein 99с. Стратановский переводит его так: «С областью этого племени граничит очень плодородная страна весьма большого племени сабеев»⁷¹. В этом переводе не учтена важность понятия *εὐδαίμονία* для античной гео- и этнографии, в особенности применительно к Южной Аравии. Производные от него многократно используются при пересказе труда Агафархида как патриархом Фотием, так и Диодором Сицилийским при описании страны сабеев. Конечно, оно включает в себя не только и не столько материальное плодородие земли, сколько весь комплекс факторов, определяющих человеческое счастье. Этот, а также ряды иных смысловых и стилистических нюансов, определили необходимость пересмотра перевода Стратановского. Перевод соответствующих фрагментов перепроверен по изданию Г. Джонса (см. выше, прим. 18).

Перевод фрагментов сочинения Гая Юлия Солина «Собрание достойных упоминания вещей» не выполнялся заново, а цитируется по изданию И.И. Маханькова⁷².

Перевод фрагментов VI книги «Естествознания» Плиния Старшего выполнялся по изданию Р. Кёнига⁷³; соответствующие фрагменты VIII книги цитируются в переводе И.Ю. Шабаги⁷⁴; перевод фрагментов XII книги выполнен по изданию Г. Ракхема⁷⁵.

Для перевода фрагментов «Истории животных» Клавдия Элиана использовалось издание А.Ф. Шонфилда⁷⁶.

Фрагменты тех или иных сочинений, источниковая основа которых не прояснена, притом что они могли бы относиться к корпусу фрагментов работы Агафархида

⁷⁰ Диодор Сицилийский. С. 56.

⁷¹ Страбон. География. Пер., статья и коммент. Г.А. Стратановского; Под общей ред. С.Л. Утченко; Ред. перевода О.О. Крюгер. М., 1994. С. 719.

⁷² Гай Юлий Солин. Собрание достопамятных сведений (выдержки). Пер. и коммент. И.И. Маханькова. В кн.: *Знание за пределами науки*. М., 1996. С. 198–229.

⁷³ C. *Plinius Secundus d.Ä.* Naturkunde. Buch VI. Geographie: Asien. Hrsg. von R. König. Zürich–Düsseldorf, 1996.

⁷⁴ Плиний Старший. Естественная история. Книга VIII. Пер. с латин. языка и коммент. И.Ю. Шабаги. *Труды кафедры древних языков*. Вып. III. (Труды исторического факультета МГУ, 53. Серия III. 24). М., 2012. С. 186–228.

⁷⁵ *Pliny*. Natural History. Vol. IV. Books 12–16. Transl. by H. Rackham. (Loeb Classical Library, 370). Cambridge, 1945.

⁷⁶ *Aelian*. On Animals. Vol. III. Books 12–17. Transl. by A.F. Scholfield. (Loeb Classical Library, 449). Cambridge (Mass.), 1959.

Книдского, или те фрагменты, положение которых в структуре работы Агафархида не определяется с совершенной точностью, отмечены как сомнительные (dub).

Так как начиная с § 49 нумерация фрагментов по разным изданиям перестает совпадать, в начале каждого следующего параграфа приводится его номер по различным изданиям.

Выдержки из [книг⁷⁷] «Об Эритрейском море» Агафархида

Хорошо известны два логоса Агафархида об Эритрейском море и других удивительных вещах – первый и пятый, пересказанные в главном.

ИЗ ПЕРВОЙ КНИГИ «ОБ ЭРИТРЕЙСКОМ МОРЕ»

1. [Агафархид] говорит⁷⁸, что Птолемей⁷⁹, бывший после Лага⁸⁰, первым организовал охоту на слонов⁸¹; подобных им по образу жизни и отличающихся по природе он предусмотрительно⁸² свел в одно место обитания.

1dub. (Plin. *NH*. VIII. 25) Раньше, чтобы приручить слонов, цари сгоняли их при помощи всадников в вырытую вручную огромную траншею, о подлинной протяженности которой слоны не подозревали, и укрощали запертых между рвом и насыпью слонов голодом; доказательством прирученности служило то, что, если человек протягивал слону ветви, тот осторожно брал их⁸³.

⁷⁷ Приступая к пересказу первой части сочинения Агафархида, патриарх Фотий называет ее λόγος, начиная пересказ пятой — ἱστορίαι.

⁷⁸ Имеется в виду Агафархид, которого цитирует патриарх Фотий.

⁷⁹ Имеется в виду Птолемей II Филадельф, младший сын Птолемея I Сотера и его второй жены Береники, царь Египта в 285–246 гг. до н.э.

⁸⁰ Имеется в виду Птолемей I Сотер (367–283 гг. до н.э.), телохранитель, друг и соратник Александра Македонского из знатного македонского рода Лагидов. При разделе империи Александра высказался против передачи власти наследникам и за ее раздел между диадохами. Получив при разделе Египет, в 323 г. до н.э. основал там новую царскую династию.

⁸¹ Фразу ἄλλα γὰρ καὶ τῶν ὀμοιοτρόφων Берстейн трактует как относящуюся к θήρα, а не к ἐλεφάντων и переводит следующим образом: as well as other similar activities (*Burstein*. Op. cit. P. 42). Данная трактовка представляется невозможной как по формальным причинам (τῶν ὀμοιοτρόφων согласовано в числе и падеже именно с ἐλεφάντων), так и по содержательным (далее говорится о целой группе животных, находившихся в сфере интересов Птолемея II).

⁸² В переводе Берстейна τῇ προνοίᾳ трактуется как by design, т.е. относится к κηχωρισμένα («отобранные», «выделенные по какому-либо отличию»). Более точным представляется соотнесение τῇ προνοίᾳ с συναγαγεῖν ὑπὸ μίαν οἴκησιν: о причинах «выделения» (схожесть по образу жизни, а не строению) тех или иных животных сказано в предыдущем предложении, тогда как в данном фрагменте говорится о предусмотрительности самого царя, устроившего своего рода заповедники.

⁸³ Перевод И.Ю. Шабаги (цит. по: *Плиний Старший*. С. 194). Как указывает Берстейн, принадлежность этого фрагмента Агафархиду признана Вёлком (*Woelk*. Op. cit. S. 100), который связывает его с фрагментом 9 (*Burstein*. Op. cit. P. 172, n. 2). Нельзя не отметить, что в работе Вёлка об этом фрагменте речь не идет. На указанной Берстейном странице Вёлк комментирует § 9 и выводит его из другого места работы Плиния Старшего (*NH*. VIII. 32): elephantos fert Africa ultra Syrticas solitudines et in Mauretania, ferunt Aethiopia et Trogodytæ, ut dictum est, sed maximos India.— «Слонов поставляет Африка из районов по ту сторону Сиртских пустынь и из Мавретании; поставляет их, как было отмечено ранее, и эфиопы с троглодитами, но самых больших слонов поставляет Индия» (пер. И.Ю. Шабаги; цит. по: *Плиний Старший*. С. 196).

2. [Агафархид] говорит, что Эритрейское море получило свое название не потому, что горы на западе так называемого Аравийского залива⁸⁴ напоминают уголь из-за того, что отражают лучи жгучего пламенного солнцеворота, а песчаные дюны на востоке, разбросанные на многие стадии, землисты и красноваты⁸⁵. Право, не по этой причине названо оно Эритрейским. Даже если фарватер и узок, и сияние суши, падающее с обоих берегов на течение с холмов и дюн, повсюду нависающих по обеим сторонам залива, уподобляет море суше, по виду оно всякому очевидно, но по сути каждым воспринимается. Так что, говорит [Агафархид], не по этой причине море получило свое наименование, даже если многие так о нем и думали.

3. Таково первое, пусть и неверное, мнение о причине. Второе же представляется ему похожим: [Агафархид] говорит, что там лучи восходящего солнца, падающие на течение, не светлы, как у нас, но подобны крови, по этой причине оттенок моря представляется смотрящим кровавым; отсюда и прозвано «эритрейским».

4. Четвертое мнение – аргосское, которое, как он говорит, смелостью замечательно, доводами же небогато. Историки – последователи Дейния⁸⁶, сами произвольно предаваясь поэтической вольности – говорят, что Персей, прибыв из Аргоса в Эфиопию (тогда она называлась Кефения) для освобождения дочери Кефея и, переместившись оттуда в Персию, передал персам их наименование от одного из своих потомков; он породил и сына Эритра, от которого и море получило свое наименование. Таков аргосский сказ об Эритрейском море.

5. Четвертое, и истинное, мнение – то, которое он узнал от перса – гласит, что имя его было Бокс. И был он греком по языку и образу мыслей, и проживал в Афинах, оставив родину. И говорится же в истории перса следующее. Жил-был некто по имени Эритр, выдающийся смелостью и богатством, родом перс, сын Миозая. И жил он недалеко от моря напротив островов, бывшими пустынными не сейчас, но времена мидийского владычества. И тогда был Эритр знаменит: на зиму он устраивался жить в Пасаргадах, весной же переезжал в свое собственное поместье, как по иной причине, так и желая доставить себе радость в жизни таким переселением. Львы, выследив огромное стадо его животных, убили некоторых из них. Некоторые же спаслись. Перепуганные увиденным до сумасшествия, они устремились к морю. И они – как раз дул довольно сильный ветер

Сам Берстейн добавляет в анализируемый фрагмент еще и описание ловли слонов в Индии: *capti celerrime mitificantur hordei suco. capiuntur autem in India unum ex domitis agente rectore, qui deprehensum solitarium abactumve a grege verberet ferum: quo fatigato transcendit in eum nec secus ac priorem regit.* – «В Индии слонов ловят следующим способом: погонщик, сидя на одном из уже прирученных слонов, обнаруживает одинокое или отбившееся от стада животное и хлещет его до тех пор, пока оно не обессилит, после чего пересаживается на него и укрощает описанным ранее способом» (пер. цит. по: *Плиний Старший*. С. 194).

Осведомленность Агафархида в особенностях охоты на слонов в Эфиопии не вызывает вопросов, однако предполагаемое использование им сведений об этом процессе в Индии порождает сомнения: «географически» этот фрагмент не подходит тематике, выбранной Агафархидом.

⁸⁴ Современное Красное море именовалось в античной литературе чаще всего Аравийским заливом.

⁸⁵ Едва ли ὑπέρουθροι следует переводить как bright red (*Burstein*. Op. cit. P. 43). Землистость прибрежных песчаников и наличие приставки ὑπο говорят как раз о красноватом оттенке почвы.

⁸⁶ Имеется в виду древнегреческий историк Дейний Аргосский (III в. до н.э.), написавший историю Аргоса «Арголика» в десяти книгах от мифической древности до битвы при Клеонах (235 г. до н.э.).

с берега — попадав в водный поток, плыли сначала вдоль берега. Но так как страх их не ослабевал, они выбрались из волн и с трудом нашли спасение на острове, лежавшем напротив. Один молодой пастух, выделявшийся своей смелостью, переправился вместе с ними, держась то на одном плече, то на другом.

Эритр же в поисках попрытавшихся животных оказался первым из тамошних жителей, кто сколотил плот, весьма большой по размерам и ударостойкий. Воспользовавшись умеренным попутным ветром, он вышел в плавание. Подгоняемый быстрыми волнами, нашел он и лошадей, и пастуха. Подивившись же острову, основал также и город в удобной гавани, и заселил его, переселив с материка лишенных средств к существованию. Оттуда он облагородил человеческими поселениями и другие острова, бывшие пустынными. И содеянное принесло ему среди многих людей такую славу, что тамошнее море, безграничное по размерам, у всех, и среди нас, зовется Эритрейским. Причины различия в названии <заключаются> в следующем: между выражением «море Эритра» и «Эритрейское море» большая разница: первое обозначает человека, правившего морем, второе — показывает красоту природы его течений.

5b. (Strabo. XVI. 4. 20). Агафархид, земляк Ктесия, рассказывает со слов какого-то Бокса, родом перса, следующее: некий Эрифра <также перс>, когда его табун лошадей, преследуемый бешеной львицей, до самого моря, переправился отсюда на какой-то остров, он построил плот и первым перешел на остров. Увидев, что остров очень удобен для основания поселения, он отвел табун назад в Персиду, отправил переселенцев на этот остров так же, как и на другие острова и побережье, а самое море назвал своим именем.

6. Он [Агафархид] не считает, что персы получили наименование от одного из потомков Персея, как утверждают многие, так как и сами они называют себя не «пёрсы», ставя ударение на предпоследнем слоге, а «персы́», ставя обличенное ударение в конце.

7. Хотя он и многими другими [аргументами] старательно показывает ложность истории о Персее, добавляет также и следующее. Ведь если же в трагедии Персей отправился в поход, спрятав лицо под маской и взяв серп, то по вопросу о перипетиях событий обратиться к актеру и хору, чтобы решить противоречия и выстроить миф, как многие сходятся во мнении. Кратко рассмотрим основы подобных [историй].

Рождены были Кентавр, Герион, Киклоп, Хрис, Кирка, Калипсо, Минотавр, Скилла, Химера, Пегас, Лестригоны, Кербер, морское создание Главк, Атлант, Протей, Нерей, Нереиды, дети Алоэя, выросшие на девять оргий в высоту и девять локтей в ширину.

Еще, согласно Гесиоду, первым наступил золотой век, затем серебряный, затем бронзовый.

Кроме того, были еще лошадь, говорившая с Ахиллом о будущем, и Сфинкс, загадывавший загадки сынам Фив, и Сирены, доводившие слушающих до гибели, Ниоб и Полидект, превратившиеся от страха в камень.

А кроме этого, спутники Одиссея были превращены из людей в свиней, а из свиней возвращены в человеческое состояние.

Еще Тантал был почтен за благоразумие, став сотрапезником богов, был же наказан за распушенность, носимый по воздуху. Другие же сами решались спуститься в Аид: одни — так как прибегали к услугам умерших прорицателям о живых, другие — чтобы силой взять в жены Персефону, как если бы она была одинока.

Было еще золотое руно на овце; яблони, приносившие золотые яблоки, росли в Ливии; одушевленное создание всю жизнь продержалось без сна, северный и южный ветры вместе с другими ветрами были удушены запертыми в одном мешке.

Более того, Пасифая сошлась с быком, а Тир — с рекой, но ни с одним чужаком не делили брачное ложе. А Филомела приняла образ соловья, Терей — удода, а Гекуба была превращена в сторожевую собаку.

А еще Ио была дочерью бога, и в образе бешеного быка с рогами она ускользнула через Понтийское море; от нее же и Боспор получил свое наименование.

И Кеней Лапиф сначала был девушкой и женщиной, повзрослев же, превратился в мужчину и в конце концов был загнан в землю кентаврами, бившими его еловыми стволами⁸⁷, стоявшего прямо и живого.

Леда же вместо того чтобы родить, как пристало женщине, отложила яйцо, из которого вылупилось столь вожделенное создание, я имею в виду Елену.

Гелла же и Фрикс переправились через пролив на овне, летевшем с помощью ног, и море в обе стороны получило от них наименование Геллеспонта.

Геракл в чаше также пересек море там, где дуют сильные зимние ветры, в одинокую перешел Ливию, бывшую невозделанной, лишенной воды и дорог и принял от Атланта такой [тяжелый] небесный свод не по предписанию, но из [желания] доставить радость.

И горы со скалами из любви к искусствам следовали за Орфеем, игравшим на кифаре.

А поджаренное мясо коров Гелиоса говорило голосом, понятным людям.

И когда умершие праздно болтали с Одиссеем о разной бессмыслице, он узнал в бесформенной тени черты внешнего облика, и некоторые из них пили, не имея ни желудка, ни глотки; другие же боялись его оружия, хотя более не могли быть ранены; некоторые же катили камень, хотя тела ранее были сожжены; другие же судили других умерших, хотя (они) никакого преступления не совершали; и, наконец, не имевшие более образа, плыли на судне, а капитаном и кормчим был у них Харон, чтобы им не опрокинуться и не быть погребенными снова.

А Алкест, Протесилай и Главк, умерев, снова воскресли: первого вернул [к жизни] Геракл, второго — любовь жены, третий [воскрес] благодаря пророку, похороненному вместе с ним.

А тело Амфиарая, еще живого, земля проглотила вместе с лошадьми и колесницами.

И к тому же: Кадм посеял зубы дракона, из них народились гоплиты, сражавшиеся друг с другом.

А Тал, охранник Миноса, трижды в день обходил весь Крит, такой огромный в размерах. Жизненная сила у него одного из одушевленных существ была заключена в ступне. А Миноса нельзя было лишить жизни иначе, как если не облить его кипящей водой.

В дополнение к этому: Медея заклинаниями сделала старого барана молодым, а Пелиады сварили отца своего Пелия, чтобы он стал молодым.

Форкиды же, три старухи, у которых был один глаз, провели всю жизнь вместе, обмениваясь друг с другом по очереди.

⁸⁷ В переводе Берстейна для ἑλάτας дается значение oars («веслами»): *Burstein. Op. cit.* P. 46.

И еще: жители Аркадии и Аттики рождены от земли и произошли на свет противоестественно.

А та, что была заклана в Эвлиде, объявилась живой среди тавров⁸⁸.

А та, чтобы брошена в море в Пелопоннесе отцом своим Акрисием, неовредимая с младенцем выбралась на побережье Серифа⁸⁹.

Тот же, что был уже побежден Менелаем на поединке, был внезапно похищен и оказался в своих покоях, готовый к общению и позабывший обо всех страхах.

Деревянное же вместилище было сделано не для захвата города, а для предательства спутников Одиссея и Неоптолема. Эта история приписывает такое вот простодушие мастеру, изготовившему его, влезшим в него доблестным <воинам> и принявшим его в собственный город.

А к этому еще: Атлант, взявший на свои плечи небесный свод, столь тяжелый, вместе с богами, породил еще так называемых Атлантис; именно это невозможно.

[Агафархид говорит], что весь обитаемый мир окружает Океан, охраняющий и скрепляющий своими потоками, за которыми, как говорит Гесиод, живут Горгоны.

[Агафархид говорит], что на Островах блаженных некоторые из героев все время сохраняют свои тела нетронутыми, о которых никто не сообщал ничего определенного. И вот это, доходящее до абсурда, многим, и даже из женщин, дает повод к насмешке.

Как мы можем представить себе, что из богов кто-то был вшит в бедро и вскормлен? И что голова Зевса использовалась одной [богиней] как чрево, а другой был зачат без участия отца — я⁹⁰ имею в виду Гефеста — и что солнце из-за деяний Атрея против Фиеста местом заката сделало восток, а восток — местом заката?

А к этому [добавляют, что] Аполлон и Посейдон, проработав в Трое в течение года, были лишены платы за строительные работы и корма скоту из-за жутких угроз Лаомедонта.

Дионис же, гонимый Ликургом, просился от страха в море к Фетиде за спасением.

К этим же [рассказам добавляют], что среди богинь случилось состязание в красоте, и каждая из них подкупала судью собственными ей подарками, что он оставил справедливость, но ни одно решение судьи не устроило.

Еще же, что размеры Афины были ужаты до величины ласточки, что достоинство Зевса было низведено до положения лебедя, что красота Деметры была обращена в уродливость.

Против Зевса же, считающегося величайшим из богов, злоумышлял ближайший родственник — брат жены, а спасен был ненавистными врагами — я⁹¹ имею в виду титанов — которые вырвались из оков, и темноты, и темницы, затем, оказал помощь боявшимся Посейдона, снова добровольно спустились в Ахеронт и Аид;

Еще [говорят, что] Афродита была ранена смертоносной силой, Арес же был заключен в оковы Отом и Эпифальгом, что Геракл поразил стрелой Аида в том

⁸⁸ Имеется в виду миф об Ифигении.

⁸⁹ Имеется в виду один из Кикладских островов, расположенный между Кифном и Сифном. На Сериф была выброшена бочка, в которую Акризий заключил Данаю с Персеем. Персей вырос на Серифе, затем же с помощью головы Горгоны превратил жителей острова в камень.

⁹⁰ Имеется в виду реплика самого Агафархида.

⁹¹ Имеется в виду реплика самого Агафархида Книдского.

месте, где он правил, и что он испытывал сильнейшие боли, и что Гефест, будучи свергнутым с высоты небес, остался в конце концов принесенный, на Лемносе.

Когда же Гера была подвешена Зевсом, с ее ног свисали огромные наковальни.

Вообще же боги прелюбодействуют, мечут молнии, хромоноги, привычны к воровству, слабее людей, с готовностью бранятся, творят несправедливости, жалуются на судьбу и, в конце концов, не свободны ни от одной болезни, страдая от которых, мы обращаемся к богам? Так что те, кто морочит нам головы, пребывают вне истины, и не могут считаться достойными внушать это другим. По этим и по похожим причинам Агафархид причисляет истории о Персее к таким мифам и не соглашается выводить название Эритрейского моря от его ребенка.

8. Агафархид говорит, что сам на себя возложил ответственность покрыть позором тех, кто свободе мифотворчества предадут деловую окраску. Если же кто-то отвергнет ее неприятие, ни один наималейший род [литературного] наследства не будет достоин доверия. Да и по какой-то причине я не стану порицать Гомера, передавшего раздоры Зевса и Посейдона – то, доверие к чему невозможно внушить ни одному человеку? И Гесиода, дерзнувшего выявить происхождение богов? И [почему] не буду бранить Эсхила, часто обманывавшего [читателей] и написавшего много недопустимого? И [почему] не буду упрекать Еврипида, приписавшего Архелаю деяния Темена и представившего Тересия жившим более пяти поколений? И других почему бы мне не выбрать за то, что они используют в своих драмах невозможные прикрасы? Ибо каждый поэт думает более о развлечении, а не о том, чтобы сказать правду.

9. [Агафархид] говорит, что индийская страна вскармливает слонов, а также Эфиопия, которая граничит с Фиваидой, и Ливия.

10. [Агафархид говорит], что Египет окружают четыре местности: с севера море, с востока и запада – пустыни, с юга – эфиопы.

11. Книга⁹² сурова, но целительна, ибо она разъясняет не для того, чтобы причинить боль, а для охраны. Она удалила радость из изложения, чтобы мы, наслаждаясь радостью делового изложения, вместо лучшего не выбрали худшее, или ради Зевса и богов, чтобы иногда не прошли мимо лежащего посредине.

12. Сохранить в целости и сохранности имущество частного лица даже малейшей ценности – дело непростое. И ты надеешься сохранить наследство такого объема и ценности без переживаний? И то ты должен знать, что нажитое владельцем оберегает закон, нажитое же слабым отнимает оружие.

13. Агафархид говорит, что мы научены с древних времен, что случай скрепляет и растворяет дружбу властителей и что твои суетные дела дают возможность другому владыке увеличивать свое состояние, уменьшая [благо] других.

14. Тот же, кто постоянно угождает словом, возможное же из дел преувеличивает, во многом обманывается. Тот же, кто заранее привлекает общих друзей к советам, в столь важные времена не будет нуждаться в подстегивающем его порывы. Кто же будет настолько неразумен, чтобы желать узнать от другого то, что ему самому очевидно, и сделать советником в трудных вопросах сторонника своих порывов?

⁹² Λόγος здесь трактуется как «книга» (Агафархида Книдского) в соответствии с анализом Д. Маркотта (*Marcotte. Op. cit.* P. 419).

15. Если же тот, у кого столько достоинств, превосходит устремления теснящих его, готов я восславить власть обладателя их, отнять же, притесняя силой, его достояние не смогу. И что невозможного в том, чтобы свести дело к пустому обещанию и хвататься за пустые надежды пред явными опасностями?

16. Эфиопы же потрясут греков. Чем? Чернотой и различием внешнего вида? Этот страх не выходит у нас за пределы детского возраста. В войнах и важных спорах дела решаются не внешним видом и цветом, но смелостью и искусством.

17. Я же с того дня, как Судьба поставила меня хранителем тела твоего (ты был еще совсем молод) и всего царства, с самого того дня взвалил я на себя огромную тяжесть. Какую же? Противостоять и отвергать предающихся удовольствиям, отнимая у тебя самого, прежде всего, не власть, а незнание, чтобы, думая об этих достоинствах, ты извлекал пользу, а не заблуждался. Я стремился к этому, пользуясь доброй волей отца, нацеленной в будущее, а не притворством льстеца, занимающего настоящим. Знаю, ибо я значительно старше и во многих делах опытен: из-за льстецов, окружавших высшие власти, и величайшие царства были полностью уничтожены — Кассандра, Лисимаха, Александра, бывшего столь великим, мидян, ассирийцев, персов — так что и семени в род не осталось. И не без причины: так как юности свойственно незнание из-за возраста, а ошибки сопровождаются восхвалениями, нет ничего более ненадежного и ничего более опасного⁹³. И действительно, Александр, непобедимый оружием, был никчем в личных делах. Он стал жертвой восхвалений и не понимал, что смеялись над ним, когда называли его Зевсом, а не почитали, так как он стремился к невозможному, а по природе был забывчив.

18. Когда демагог обращается ко многим, заняв место не друга, но льстеца, напор толпы, принявшей поручителя в ошибочности, уничтожает город. Хула же настигает не только достойных порицания, но и тех, в кого зависть проторила себе дорогу. Ибо зависть правит не только подлежащими осуждению, но и теми, кто не достоин хулы, ибо всякий раз, когда зависть выпускает свое горькое жало, то поражает прежде всего того, кто этой участи не заслуживает.

19. Во время боевых действий эфиопы пользуются большими луками, но короткими стрелами. На край тростникового древка вместо железного (наконечника) насаживается удлинненный по форме камень, перевязываемый жилами, чрезвычайно острый, смоченный в смертоносном яде⁹⁴.

20. Агафархид говорит, что Птолемей набрал 500 всадников из Эллады для войны против эфиопов, из которых тем, кто должен был сражаться в первых рядах и вести за собой, приписал следующий вид вооружения: раздал для них и для лошадей валяные одеяния, скрывающие все тело, кроме глаз, и которые по той стране называют «касай».

(Продолжение следует)

⁹³ Имеется в виду лесть, окружающая молодого властителя.

⁹⁴ Вероятно, эти же луки имеются в виду при описании одного из видов охотников на слонов (§ 54 Müller a—b). Агафархид говорит, что они используют огромные луки, которые один из охотников удерживает ногой и стрелы, отравленные змеиным ядом.